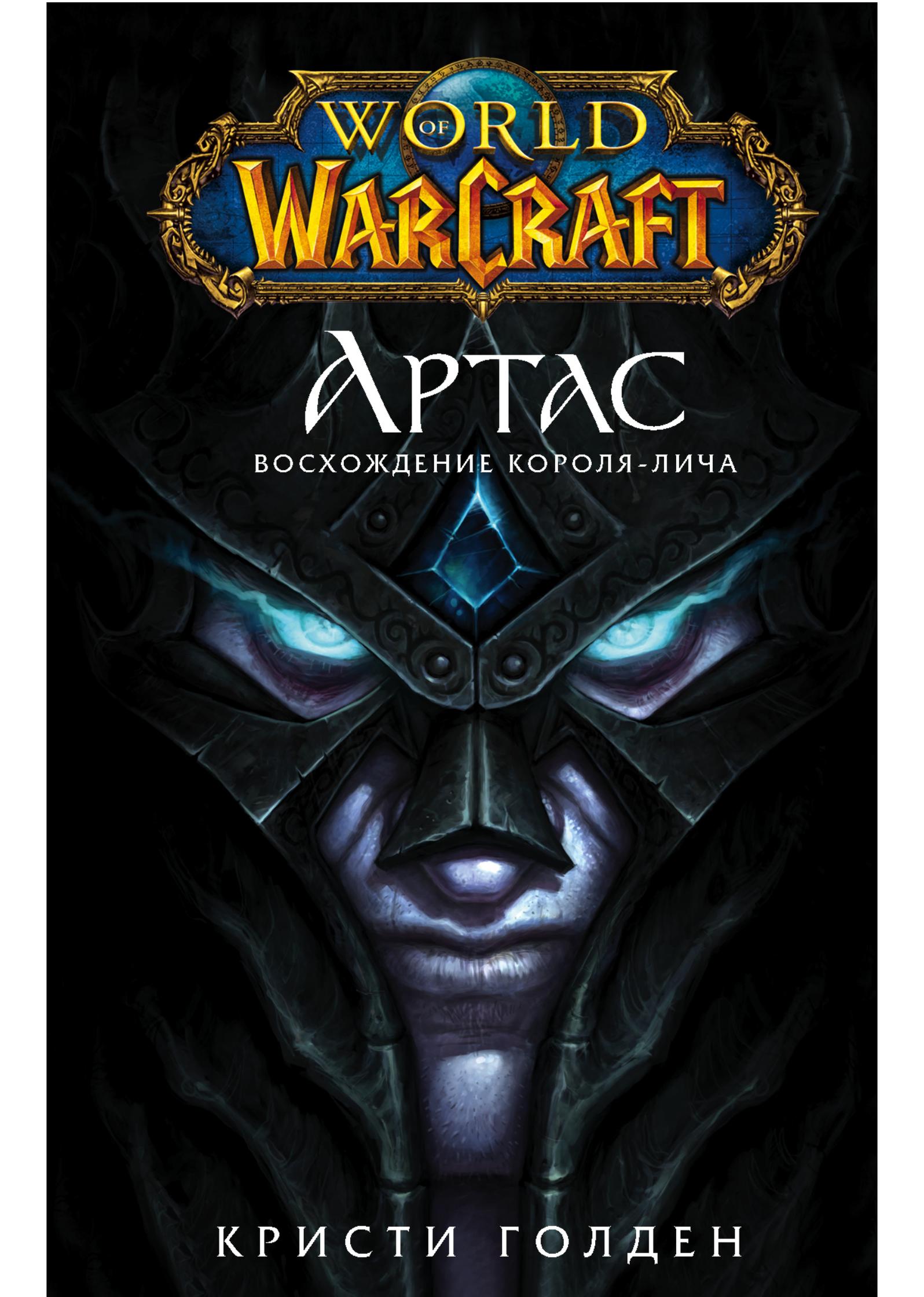
The logo for World of Warcraft, featuring the words "WORLD OF WARCRAFT" in a stylized, golden, serif font. The word "OF" is smaller and positioned between "WORLD" and "WARCRAFT". The logo is set against a blue, textured background and is framed by ornate, golden, scrollwork borders.

WORLD
OF
WARCRAFT

A close-up, symmetrical portrait of the Lich King's face, rendered in a dark, metallic, and crystalline style. The eyes are glowing with a bright blue light, and the overall appearance is menacing and imposing.

АРТАС

ВОСХОЖДЕНИЕ КОРОЛЯ-ЛИЧА

КРИСТИ ГОЛДЕН

World Of Warcraft

Кристи Голден

**World of Warcraft. Артас.
Восхождение Короля-лича**

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Голден К.

World of Warcraft. Артас. Восхождение Короля-лича /
К. Голден — «Издательство АСТ», 2009 — (World Of Warcraft)

ISBN 978-5-17-115631-2

Злоба его стала легендой. Владыка всех неупокоенных Плети, хозяин рунического клинка Ледяная Скорбь, непримиримый враг всех вольных народов Азерота, Король-лич – существо неизмеримой мощи и непревзойденной жестокости, чья ледяная душа без остатка поглощена стремлением уничтожить все живое в World of Warcraft. Но так было не всегда. Прежде, чем оркский шаман Нер'зул заразил его душу жаждой убийства, Король-лич был принцем Артасом Менетилом, наследником лордеронского трона и верным паладином Ордена Серебряной Длани. Когда на севере Лордерона разразилась чума, обращающая живых в нежить, несущая гибель всему, что он знал и любил, Артас устремляется на безнадежные поиски рунического клинка, наделенного силой, что способна спасти его родную страну. Однако предмет его поисков требует от нового хозяина невероятной жертвы. С его обретением для Артаса начинается ужасное нисхождение в бездну проклятия. Теперь путь лордеронского принца ведет в морозные северные пустоши к Ледяному Трону, – и навстречу мрачайшей участи на свете.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-115631-2

© Голден К., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Благодарности	7
Пролог: Спящий и видящий сны	9
Часть первая	12
Глава первая	12
Глава вторая	20
Глава третья	27
Глава четвертая	35
Глава пятая	42
Часть вторая	47
Интерлюдия	47
Глава шестая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кристи Голден

World of Warcraft: Артас.

Восхождение Короля-лича

*Посвящается всем поклонникам истории мира Warcraft.
Надеюсь, чтение доставит вам такую же радость, как мне –
работа над этой книгой.*

© 2019 by Blizzard Entertainment, Inc. All Rights Reserved.

Arthas, Rise of the Lich King, Diablo, StarCraft, Warcraft, World of Warcraft, and Blizzard Entertainment are trademarks and/or registered trademarks of Blizzard Entertainment, Inc., in the U.S. and/or other countries.

All other trademark references herein are the properties of their respective owners.

Благодарности

Особо (уже в который раз) благодарю Криса Метцена за его страстную любовь к игре и ее миру, а также Эвелин Фредриксен, Микки Нейлсона, Джастина Паркера и Эвана Кроуфорда из «Blizzard» за безотказную помощь в работе над книгой и изучении реалий World of Warcraft.

Создать такую объемную книгу с таким множеством деталей без их неоценимой помощи и поддержки было бы просто невозможно.

Пролог: Спящий и видящий сны

Ветер стонал, словно мучимый болью ребенок.

Мохнатые черпороги сгрудились в кучу, грея друг дружку боками. Густой клочковатый мех защищал их от ярости бури. В середине стада, жалобно бляя, дрожали телята. Склонив увенчанные тяжелыми ветвистыми рогами головы к укрытой снегом земле, животные жмурились, берегли глаза от вихря колких снежинок, дыхание их оседало инеем на мохнатых мордах. Так, утвердившись на месте, черпороги заняли круговую оборону и ждали.

Медведи и волки – те переживали бурю по берлогам да норам, кто в смиренном одиночестве, кто в уютной компании стаи. Как бы ни подводило брюхо, никакой голод не в силах был выгнать их из убежищ, покуда не стихнет горький, тоскливый плач ветра, покуда не поредет слепящая снежная пелена.

Шторм, налетевший с моря, с ревом обрушился на деревушку Камагуа, принялся что есть сил рвать, трепать кожи, натянутые на рамы, связанные из костей огромных морских зверей. Стоит шторму уняться, клыкаррам, живущим в здешних краях так давно, что и не сосчитать, снова – в который уж раз! – придется чинить и заново ставить ловушки да сети. Жилища их, хоть и прочны, ни разу еще не смогли выдержать натиск этого шторма без ущерба. Вот и сейчас с его появлением всем пришлось поспешить в просторный общий дом, выкопанный глубоко в земле, затянуть туго-натуго шнуровку входного полога и сидеть здесь, в густом чаду масляных ламп, пока ненастье не уймется.

Местный старейшина Атуик ждал, стойчески храня безмолвие. За последние семь лет он повидал таких штормов немало. Долгую он прожил жизнь, длина да желтизна его клыков и морщины на бурой коже тому свидетели, однако эти штормы – не просто штормы, не природой они рождены...

С этими мыслями Атуик оглянулся на младших. Дети дрожали – нет, не от холода, они же клыкарры, но от испуга.

– Он спит и видит сны, – прошептал один из детишек, сверкнув глазами и тревожно встопорщив щетину усов.

– Молчать! – пожалуй, резче, чем стоило бы, рыкнул Атуик.

Испуганный ребенок умолк, и в общем доме вновь наступила тишина, нарушаемая лишь щемящими, тягостными причитаниями ветра да вьюги.

Казалось, бессловесный, но исполненный смысла напев, низкий, утробный гул дюжины голосов, клубится под потолком, будто дым. Напеву вторил неистовый бой барабанов, треск погремушек, суховатый стук кости о кость. От буйного ветра деревню таунка надежно хранила стена из бревен, столбов и кож, а покатые кровли, сомкнувшиеся над просторным залом наперекор суровым стихиям севера, были крепки.

Но даже все звуки сокровенного древнего ритуала не могли заглушить стонов ветра. Танцор, шаман по имени Камику, сбился с ритма, споткнулся, неловко подвернув копыто, но тут же оправился и продолжал пляску. Сосредоточиться. Главное – сосредоточиться. Только так и можно обуздать стихии и принудить их к повиновению; только так его народ и смог уцелеть, выжить в этих студеньких, безжалостных землях.

Шкура шамана взмокла от пота, покрылась темными пятнами. Огромные карие глаза его были прикрыты, чтобы не отвлекаться на постороннее, копыта вновь отбивали мощный размеренный ритм. Шаман хлестал хвостом в стороны, вскидывал лобастую голову, пронзая короткими рожками воздух. Рядом плясали другие. От жара тел танцоров и жара огня, ярко пылавшего вопреки снежным хлопьям и ветру, проникавшим внутрь сквозь дымовое отверстие в крыше, в стенах зала было тепло и уютно.

Что творится снаружи, понимали все. Управлять этим ветром и снегом, как обычным ненастьем, нечего было и думать. Нет, это – он. Это его рук дело. Однако плясать, пировать и веселиться назло буйству вьюги таунка вполне могли. Они – таунка. Они устоят.

* * *

Снаружи мир был полон непроглядной синевы, белых вихрей и заунывного воя, однако в Великом Зале царили покой и тепло. Тишину нарушал лишь треск поленьев, горевших в огромном камине, под сводом которого без труда, не нагибаясь, мог поместиться рослый человек. Над узорной каминной полкой, пышно украшенной фигурами фантастических тварей, висели огромные ветвистые рога черпорога. Вдоль стен, в резных бра в форме драконовых голов, ярко пылали факелы. Крыша пиршественного зала, способного вместить многие дюжины гостей, покоилась на толстых балках, разогнанные уютными рыжими отсветами пламени тени прятались по углам. Холодный каменный пол устлала мягкие, пушистые шкуры северных медведей, черпорогов и прочих зверей.

Большую часть зала занимал длинный, массивный резной стол. Вокруг него легко могли бы рассестись не меньше трех дюжин пирующих, но сейчас за столом сидели лишь трое – человек, орк и мальчик.

Конечно, все вокруг было ненастоящим. Человек, занимавший место во главе стола, слегка возвышался над остальными, сидя в титаническом узорчатом кресле – нет, не то, чтоб на троне, но все же. Он спал – долгое-долгое время спал и видел сны. Вот и этот зал, и охотничьи трофеи, и огонь, и стол, да и орк с мальчишкой были всего-навсего одним из его сновидений.

Сидевший по левую руку от него орк был стар, но еще полон сил. Рыжие отсветы огня зловеще мерцали на жуткой маске – изображении черепа, украшавшем его широкое лицо с тяжелой, мощной нижней челюстью. Могущественный шаман, способный повелевать безграничными силами, он даже в эту минуту, будучи лишь сновидением, плодом воображения человека, сидевшего во главе стола, выглядел очень и очень грозно.

А вот мальчишка – совсем наоборот. Когда-то он был ребенком вполне милотным: большие, цвета морской волны глаза, открытое, светлое лицо, золотистые волосы... Когда-то... но не теперь.

Ныне мальчика мучила хворь.

Он сильно исхудал, иссох настолько, что кости его, казалось, вот-вот прорвут полупрозрачную кожу. Некогда светлые, живые глаза мальчика ввалились, потускнели, покрылись мутным налетом, гнойники, густо усеивавшие его лицо, то и дело лопались, сочась вязкой зеленоватой жидкостью. Дышал он с очевидным трудом: грудь ребенка часто вздымалась в такт мелким, судорожным вдохам. Еще немного, и человек во главе стола разглядит, с каким трудом бьется в ней сердце. Ему бы давным-давно остановиться, но вот – подумать только, упорствует, стучит, несмотря ни на что...

– Он еще здесь, – заметил орк, ткнув пальцем в сторону мальчика.

– Это ненадолго, – откликнулся человек.

Словно бы в подтверждение его правоты, мальчишка закашлялся, обрызгав стол кровавой слюзью. Переведя дух, он утер бледные губы тонким запястьем, обтянутым полуистлевшими кружевами, и с явным трудом заговорил:

– Ты еще не... не овладел им. Я тебе... докажу.

– Ты так же глуп, как и упрям, – прорычал в ответ орк. – Эта битва давным-давно выиграна.

Слушая их перебранку, человек во главе стола с силой стиснул подлокотники кресла. Сон этот снился ему не первый год и, пожалуй, уже не развлекал – скорее, утомлял.

– Мне надоел этот спор. Давайте покончим с ним раз и навсегда.

Орк плотоядно взглянул на мальчишку. Нарисованный на его лице череп расплылся в жуткой ухмылке. Мальчишка снова закашлялся, но даже не дрогнул под взглядом орка. Медленно, горделиво расправив плечи, он перевел затуманенный взор на человека, сидевшего во главе стола.

– Да, что толку спорить? – согласился орк, тоже повернувшись к человеку. На миг в глазах его вспыхнул хищный огонек. – Скоро настанет час пробудиться. Пробудиться и снова явить себя этому миру. И снова ступить на избранный тобой путь.

Казалось, нарисованный череп отделился от его лица, повис в воздухе, точно сам по себе, а с этим изменился и весь зал. Резные бра, еще минуту назад – простые деревянные драконы, всколыхнулись, вздрогнули, оживились, факелы в их зубах вспыхнули ярче прежнего, по стенам и по полу в унисон качанию их голов заплясали причудливые тени. Ветер снаружи взвыл с новой силой. Двери в зал с грохотом распахнулись, над головами троих за столом закружились снежные вихри. Человек во главе стола широко распростер руки, и ледяной ветер тут же окутал его, точно плащ. Орк захохотал, нарисованный череп, паривший над его лицом, тоже осклабился в безумной улыбке.

– Позволь, я докажу, что судьба твоя – со мной, а истинную силу ты сможешь познать, лишь уничтожив его.

Лютый студеный шквал сорвал хрупкого, слабого мальчика с кресла и швырнул на пол. Теперь он с трудом поднялся на ноги, и, охваченный дрожью, часто дыша, пуская изо рта крохотные клубы пара, снова вскарабкался в кресло. Взгляд, брошенный им на человека во главе стола, был полон надежды, страха и странной решимости.

– Ничего, – прошептал он. – Еще не поздно.

Странно, но ни дружный хохот орка и нарисованного черепа, ни пронзительный вой выюги не смог заглушить его слов.

Часть первая Золотой мальчик

Глава первая

– Придержи-ка ей голову, парень! Да, вот так!

Кобыла закатила глаза и тоненько заржала. Обычно белая, сейчас ее шкура посерела, взмокла от пота. Единственный сын короля Теренаса Менетила Второго, принц Артас Менетил, будущий владыка Лордерона, изо всех сил натянул поводья и что-то успокаивающе забормотал ей на ухо.

Кобыла отчаянно мотнула головой, и девятилетний принц едва сумел устоять на ногах.

– Ну-ну, Светлогривка, – воскликнул Артас. – Легче, малышка, легче. Все в порядке. Не о чем так волноваться.

Джорум Балнир фыркнул от смеха.

– Нет, парень, вряд ли ты сказал бы то же, если б рожал такого жеребенка сам!

Сын Джорума, Джарим, сидевший на корточках возле отца и принца, захохотал. Артас тоже неудержимо захихикал, несмотря на горячую влажную пену, каплющую из пасти грызущей удила кобылы прямо ему на штаны.

– Ну, малышка, поднатужься-ка еще разок, – сказал Балнир, медленно двинувшись вдоль лошадиного туловища к окутанному блестящей плодной оболочкой жеребенку на полпути в большой мир.

Правду сказать, Артасу здесь было не место. Однако, свободный от уроков, он нередко тайком удирал в усадьбу Балнира, известного коннозаводчика – полюбоваться лошадьми и поиграть с другом Джаримом. Оба они прекрасно понимали, что сын коннозаводчика, пусть даже того, чьих лошадей постоянно покупают для королевских конюшен, для принца – компания «неподобающая», однако не слишком об этом тревожились. К тому же, и взрослые их дружбе пока не препятствовали, потому-то Артас и оказался здесь, строя с Джаримом крепость, швыряясь снежками и играя в стражей и разбойников, когда Джорум позвал обоих взглянуть на чудо рождения новой жизни.

Сказать по правде, «чудо рождения» показалось Артасу довольно-таки омерзительным. Раньше он и не думал, что при этом бывает столько... грязи и слизи.

Светлогривка хрипло застонала, снова натужилась, ноги ее выпрямились, напряглись, раздался влажный, хлюпающий звук, и жеребенок появился на свет.

Грузно опустив голову Артасу на колени, Светлогривка на миг смежила веки. Бока кобылы ходили ходуном. Мальчик улыбнулся, огладил ее взмокшую шею и густую, жесткую гриву и оглянулся на Джарима, помогавшего отцу обихаживать новорожденного. От теплого, влажного тельца жеребенка валил пар: в это время года в конюшне было довольно холодно. Вооружившись соломой и полотенцем, отец с сыном обтерли с боков и спины малыша безоб-

разные ключья плодной оболочки, и Артас помимо собственной воли заулыбался шире прежнего.

Мокрый, серый, сплошь тонкие ноги да огромные глаза, жеребенок огляделся, недоуменно заморгал, шурясь на тусклый огонек фонаря, а затем взглянул прямо в глаза Артаса. На миг у принца перехватило дух. «Какой красавец!» – подумал Артас. Теперь он понимал: да, хваленое «чудо рождения» и вправду – настоящее чудо!

Светлогривка начала с трудом подниматься на ноги. Артас тоже вскочил и прижался спиной к дощатой стене конюшни, чтобы огромное животное смогло развернуться, не раздавив его. Мать и новорожденный обнюхали друг дружку, Светлогривка негромко фыркнула и принялась вылизывать сына длинным шершавым языком.

– Э-э, парень, глянь-ка, как ты извоzilся.

Артас опустил взгляд, оглядел себя и ахнул: да он же с ног до головы перепачкан соломой и пеной из лошадиной пасти! Однако мальчик тут же ухмыльнулся и как ни в чем не бывало пожал плечами.

– Ничего! Поваляюсь в сугробе по пути во дворец, и порядок, – заверил он, но тут же заговорил серьезнее. – Не волнуйтесь. Мне исполнилось девять, я уже не младенец и могу ходить, куда за...

Снаружи донеслось кудахтанье кур и звучный бас. Лицо Артаса разом вытянулось от изумления. Расправив плечи, мальчик старательно, но безо всякого успеха отряхнулся и твердым шагом вышел из конюшни.

– Сэр Утер, – сказал он, изо всех сил стараясь сохранить тон, означавший: «Я – принц, и лучше вам об этом не забывать», – эти люди были весьма добры ко мне. Прошу, не затопчи их живность.

«И клумбы с львиным зевом», – мысленно добавил он, бросив взгляд на укрытые снегом грудки вскопанной земли, где через несколько недолгих месяцев распустятся прекрасные цветы, отрада и гордость Вары Балнир.

За спиной раздались шаги Джорума с Джаримом, последовавших за принцем наружу, но Артас, не оглядываясь, взирал на конного рыцаря в сверкающих золотом...

– Латы?! – ахнул мальчик. – Что произошло?

– Объясню в дороге, – мрачно ответил Утер. – А за твоей лошадью, принц Артас, пришлю кого-нибудь. Неутомимый доставит нас домой быстрее – даже с двумя всадниками на спине.

С этими словами он склонился вниз, огромная рука сомкнулась на плече Артаса и вскинула его на холку коня, точно мальчик вовсе ничего не весил.

Вара, вышедшая из дому на грохот копыт, замерла на крыльце, утирая руки полотенцем. Кончик ее носа был перепачкан мукой, синие глаза округлились от удивления. Увидев паладина, хозяйка бросила встревоженный взгляд на мужа, и Утер учтиво кивнул ей.

– Подробности – позже, госпожа.

Вскинув ко лбу ладонь в кольчужной рукавице, паладин отсалютовал хозяйке дома, прищипорил Неутомимого, подобно всаднику, закованного в броню, и жеребец пустился вскачь.

Рука Утера сдавила живот, словно стальной обруч. В груди кипел, пузырился страх. Собрав волю в кулак, Артас прогнал дурные предчувствия прочь и отпихнул руку Утера.

– Я умею ездить верхом, – проворчал он, пряча тревогу под раздражением. – Ответь же, сэр Утер: что происходит?

– Прибыл гонец с Южнобережья. С очень дурными вестями. Несколько дней назад к нашим берегам причалили сотни маленьких лодок, битком набитых беженцами из Штормграда, – ответил Утер.

Руки он так и не убрал, но Артас тут же забыл о сопротивлении. Изогнув шею, глядел он в мрачное лицо паладина и внимательно слушал, что же последует дальше.

– Штормград пал, – закончил Утер.

– Что?! Штормград?.. Но как? Кто... что...

– Вскоре мы все это выясним. Уцелевших, включая принца Вариана, привел сюда бывший защитник Штормграда, лорд Андуин Лотар. Он, принц Вариян и прочие будут в столице дня через два-три. Лотар дал знать, что привез скверные новости... впрочем, если Штормград уничтожен, это очевидно. Я был послан разыскать тебя и доставить домой. Не время сейчас играть с простолюдинами.

Ошеломленный, Артас вновь повернулся вперед и крепко вцепился в гриву Неутомимого. Штормград! В Штормграде он никогда не бывал, но слышал о нем немало. Великий, несокрушимый город, прекрасные здания за могучими каменными стенами... Строился он с особым расчетом на прочность, дабы устоять под натиском неистовых ветров, из-за которых и получил свое название. И вот этот город пал... Кто же, какая же сила сумела его разрушить?

Неутомимый галопом несся к столице.

– Много ли с ними людей? – громче, чем собирался, спросил Артас, чтобы Утер сумел слышать его за грохотом копыт.

– Неизвестно. Хотя, конечно же, немало. Гонец сообщил, что это все, кому удалось спастись.

Спаستись... от чего?!

– А принц Вариян?..

Разумеется, о Вариане Артас слышал, как и обо всех соседних королях, королевах, принцессах и принцах. Вдруг в голове шевельнулась, вспыхнула жуткая мысль: отчего, упомянув принца Вариана, Утер ни словом не обмолвился о его отце, короле Ллейне?

– Вскоре станет королем Варианом. Король Ллейн пал вместе с Штормградом.

Странно, но весть об одной этой трагедии поразила девятилетнего принца много сильнее, чем судьбы тысяч людей, внезапно оставшихся без крова. Его собственная семья – сам Артас, и его сестра Калия, и мать, королева Лианна, и, конечно, отец, король Теренас – все они жили между собою в любви и дружбе. Видя, как некоторые из владык обращаются с родными, Артас понимал, насколько ему посчастливилось: подобной родственной близости – еще поискать. Ну, а потерять родной город, навсегда расстаться с привычной жизнью и с отцом...

– Бедный Вариян, – проговорил он, поспешно смахнув с глаз слезы сочувствия.

Утер неловко потрепал принца по плечу.

– Воистину, – согласился он. – Скверная мальчику выпала доля.

Внезапно Артаса охватила дрожь, но вовсе не от зимнего холода. Прекрасный солнечный день, яркое синее небо, белизна укрывших землю снегов – теперь все это казалось мрачнее любого ненастья.

Спустя пару дней Артас поднялся на стену замка – навестить одного из стражей, Фалрика, а заодно отнести ему кружку горячего, исходящего ароматным паром чая. Подобные визиты, как и те, что принц наносил семье Балниров, замковым судомойкам, лакеям, кузнецам, а сказать по правде – чуть ли не всем простым жителям королевства до одного, были делом вполне обычным. Да, Теренас всякий раз сокрушенно вздыхал, но Артас-то знал, что за разговоры с ним еще никто не понес наказания. Порой ему даже казалось, будто отец втайне одобряет его поведение.

Фалрик благодарно улыбнулся, с искренним уважением поклонился принцу и снял латные рукавицы, чтобы согреть о кружку озябшие руки. Вскоре обещал начаться снегопад, небо из синего сделалось бледно-серым, однако пока погода была ясной. Навалившись на стену и опустив подбородок на сложенные поверх парапета локти, Артас устремил взгляд вниз, к покатым белым холмам Тирисфаля, вдоль дороги, тянувшейся сквозь Серебряный бор к Южнобережью. Вдоль той самой дороги, по которой в Лордерон вскоре придут Андуин Лотар, маг Кадгар и принц Вариян.

– Их пока не видать?

– Никак нет, ваше высочество, – ответил Фалрик, прилебывая горячий напиток. – Может, приедут сегодня, а может, завтра, а то и послезавтра. Если надеетесь увидеть их в пути, сэр, возможно, придется чуточку подождать.

Артас хитро сощурился и от души улыбнулся стражу.

– Все лучше, чем уроки! – сказал он.

– Что ж, сэр, тут уж вам лучше знать, – дипломатично откликнулся Фалрик, не без труда сдерживая ответную улыбку.

Страж поднес кружку к губам, а Артас вздохнул и снова – в который уж раз – взглянул вниз, на дорогу. Поначалу он ждал приезда гостей с нетерпением, но мало-помалу начал скучать. Вот бы вернуться назад, к Балнирам, и поглядеть, как поживает жеребенок Светлогривки! Интересно, удастся ли незаметно улизнуть из замка на пару часов? Ведь Фалрик прав: возможно, Лотар с Варианом приедут только через пару дней, а то и...

Вдруг Артас моргнул, медленно выпрямился и сощурил глаза.

– Едут! – закричал он, указывая на дорогу.

Забыв о чае, Фалрик немедля подступил к нему, встал рядом, вгляделся вдаль и кивнул.

– Острый же у вас взгляд, принц Артас. Марвин! – окликнул он.

Один из ближайших стражей, щелкнув каблуками, вытянулся в струнку.

– Ступай, сообщи королю: Лотар и Вариан едут. В течение часа будут здесь.

– Слушаюсь, капитан! – ответил молодой страж, отсалютовав командиру.

– Я сам сообщу! Я сбегаю! – вмешался Артас, устремившись к лестнице.

Марвин неуверенно оглянулся на капитана, но Артас был полон решимости опередить его. Сбегая вниз, он поскользнулся на обледенелых ступенях, да так, что оставшийся спуск пришлось одолевать одним прыжком, стрелой промчался через двор и резко затормозил невдалеке от входа в тронный зал, чтобы принять подобающий вид. Сегодня Теренас принимал представителей простого народа, дабы выслушать их жалобы и оказать подданным посильную помощь.

Откинув на спину капюшон украшенного искусной вышивкой алого плаща из рунической ткани, Артас перевел дух, выпустил изо рта струйку пара и чинно двинулся вперед. В ответ на его кивок стражи у входа четко отсалютовали, развернулись и распахнули перед принцем двери.

Несмотря на каменные стены, мраморный пол и высокий сводчатый потолок, в огромном тронном зале было гораздо теплее, чем во дворе. Даже в столь облачные дни, как сегодняшней, сквозь восьмиугольное окно в вершине купола, венчавшего зал, внутрь проникало достаточно света. На стенах ровно горели факелы, согревавшие воздух и придававшие всему вокруг легкий оранжевый оттенок. Пол зала украшал замысловатый круговой орнамент с печатью Лордерона посередине, однако сейчас его было не разглядеть: повсюду стояли люди, почтительно дожидавшиеся своей очереди обратиться к сеньору.

Со ступенчатого возвышения в глубине зала сверкал драгоценными камнями и золотом королевский трон. На троне том восседал Теренас Второй: светлые волосы чуть тронуты седой у висков, кожа изборождена едва заметными морщинками из тех, что порождены, скорее, улыбчивостью, чем привычкой хмуриться – а, как известно, и то и другое оставляет свой отпечаток не только на внешности, но и в душе. Король был облачен в роскошную, синюю с пурпуром мантию, расшитую золотой нитью, искрившейся в отсветах факелов, отраженных золотом короны. Поглощенный речью стоявшего перед троном (кого-то из низшей знати, чье имя Артас позабыл), Теренас слегка подался вперед, не сводя с говорящего внимательных синезеленых глаз.

Помня, о чем приезде пришел объявить, Артас на миг замер на месте, не сводя взгляда с отца. Ведь он, как и Вариан – сын короля, принц крови, однако у Вариана отца больше нет...

При мысли о том, что когда-нибудь и этот трон опустеет до тех пор, пока ему, Артасу, не споют древний коронационный гимн, к горлу подступил комок.

«Во имя Света, пусть этот день подольше не наступает!»

Словно почувствовав внимательный взгляд сына, Теренас поднял голову и взглянул на него. При виде наследника в глазах короля мелькнула улыбка, однако он тут же вновь сосредоточил все внимание на просителе.

Артас откашлялся и выступил вперед.

– Прошу простить за то, что прерываю вас. Отец, они едут, я видел! Будут здесь, самое большее, через час.

Теренас слегка нахмурил брови и кивнул. Кто эти «они», он понял без лишних объяснений.

– Благодарю, сын мой.

Собравшиеся переглянулись. Многие тоже прекрасно поняли, о ком речь, и зашевелились, готовясь покинуть зал.

Однако Теренас поднял руку.

– Пойдите. Погода неплоха, дорога чиста, придут гости в свое время и ни минутой раньше, а мы пока продолжим. Сдается мне, как только они приедут, подобные аудиенции придется отложить, – со скорбной улыбкой сообщил он. – Давайте завершим побольше дел, пока этот момент не настал.

Артас смотрел на отца, и сердце его переполняла гордость. Вот отчего люди так любят Теренаса! Вот отчего король обычно смотрит на «похождения» сына среди простых людей сквозь пальцы! Всей душой заботясь о подданных, Теренас сумел воспитать те же чувства и в сыне.

– Не выехать ли мне им навстречу, отец?

Окинув сына внимательным взглядом, Теренас покачал головой.

– Нет. И на встрече с ними тебе, думаю, лучше не присутствовать.

Казалось, Артаса хлестнули по щеке. Как это – не присутствовать? Ему уже девять лет! С одним из ближайших, важнейших союзников случилось что-то очень скверное, мальчишка немногим старше него остался без отца... В груди вскипел безудержный гнев. Отчего отец так дрожит над ним? Зачем так оберегает? Почему ему, Артасу, нельзя присутствовать при важных разговорах?

Однако резкую отповедь, непременно сорвавшуюся бы с языка, будь они с Теренасом наедине, пришлось сдержать. Здесь, на виду у всех этих людей, спорить с отцом не годилось, пусть даже Артас имел на то полное право. Сделав глубокий вдох, он поклонился и двинулся к выходу.

Часом позже Артас Менетил, надежно укрывшись в одной из небольших лож, вышедших в тронный зал, довольно ухмыльнулся самому себе. Да, он еще так невелик, что свободно спрячется под сиденьями от любого, кому вздумается сунуть сюда нос. Вот только немного тесновато. Еще год-другой, и он здесь больше не поместится.

«Но через год-другой отец уж наверняка поймет, что я достоин присутствовать на подобных встречах, а тогда и прятаться не придется».

Эта мысль окончательно привела Артаса в доброе расположение духа. Свернув плащ, он подложил его под голову и принялся ждать. Благодаря факелам, жаровням и множеству людей, в зале было тепло. Согревшийся, убаюканный монотонным гулом деловитой беседы, мальчишка задремал.

– Ваше величество!

Сильный, звучный голос, раскатившийся эхом по залу, разом пробудил Артаса от дремы.

– Я – Андуин Лотар, штормградский рыцарь.

Они здесь! Лорд Андуин Лотар, бывший Защитник Штормграда...

Выбравшись из-под сиденья, Артас осторожно поднялся, убедился, что за синей занавесью ложи его не заметят, и взглянул в зал.

«Да, вот это – настоящий воин», – подумал принц, разглядывая гостя. Высокий, могучего сложения, тот носил тяжелые латы с легкостью, свидетельствующей о давней привычке к их немалому весу. Верхнюю губу и подбородок Лотара украшали густые усы и аккуратная борода, однако голова его оказалась почти лысой, а оставшиеся волосы были собраны на затылке в тощий хвостик.

Рядом с Лотаром стоял старик в фиолетовых одеяниях, но взгляд Артаса тут же упал на мальчишку – на Вариана Ринна, наследника штормградского трона. Высокий, щуплый (хотя ширина плеч не оставляла сомнений: еще год-другой, и это худощавое тело обрстет мускулами), он выглядел бледным, смертельно усталым, да вдобавок настолько затравленным, напуганным и одиноким, что Артас невольно поежился. Подумать только – ведь штормградский принц всего-то на пару лет старше него... Впрочем, услышав собственное имя, Вариян опомнился, расправил плечи и ответил на приветствие короля со всей подобающей учтивостью.

Кто-кто, а уж Теренас знал, как оказать гостям теплый прием! Поспешив отпустить всех, кроме нескольких придворных да стражи, он поднялся и двинулся навстречу приехавшим.

– Прошу, садитесь.

С этими словами король Лордерона оставил принадлежащий ему по праву великолепный трон, спустился вниз, присел на ступеньку у его подножия и по-отечески усадил рядом Вариана.

Артас невольно улыбнулся. Прячась за занавесью, юный принц Лордерона смотрел во все глаза, слушал во все уши, и доносившиеся снизу слова складывались в такое... Да нет, не может быть! Сказки! Однако чем дольше разглядывал он великого штормградского воина, чем пристальнее вглядывался в бледное, изможденное лицо будущего короля могучей державы, тем глубже закрадывалась в душу тревога, тем ясней становилось: нет, все это – вовсе не сказки; вся эта жуть, весь этот ужас – взаправду.

Разговор шел о существах под названием «орки», появившихся непонятно откуда и разом заполонивших весь Азерот. Громадные, зеленые, кровожадные, с клыками вместо зубов, орки сбились в «орду» и шли вперед, точно неостановимая приливная волна.

– Да такая волна, что затопит все земли от берега до берега, – зловеще сказал Лотар.

Именно эти чудовища и напали на Штормград, заставив бежать («Или перебив», – догадался Артас) его жителей.

Однако кто-то из придворных явно не поверил Лотару, и обстановка начала накаляться. Казалось, бывший Защитник Штормграда вот-вот вспылит, но Теренас разрядил ситуацию, завершив разговор.

– Я созову королей соседних земель, – сказал он. – Дело касается всех нас. А вам, ваше величество, предлагаю свой кров и защиту, на все время, пока в этом есть надобность.

Артас улыбнулся. Значит, Вариян остается здесь, во дворце, с ним! Высокородный товарищ для игр – это замечательно. Да, лордеронский принц неплохо ладил с сестрой Калией, двумя годами старше него, но ведь она все же девчонка, а как бы он ни был привязан к Джариму, возможность поиграть с ним выпадала далеко не всегда. Другое дело – Вариян, такой же принц крови, как и сам Артас! С ним можно и биться на кулаках, и ездить верхом, и исследовать окрестности...

Но эти мысли были безжалостно прерваны голосом отца, и Артас вновь посерьезнел.

– Ты говоришь, нам нужно готовиться к войне?

– Да, – отвечал Лотар. – К войне за самую жизнь всей расы.

Артас сглотнул и тихо, никем не замеченный, покинул пункт наблюдения.

Как Артас и ожидал, вскоре принца Вариана повели в комнаты для гостей. Сопровождал мальчика, дружески приобняв его за плечо, сам Теренас. Возможно, он и удивился, увидев в гостевых комнатах сына, однако ничем не выказал удивления.

– Артас, это принц Вариан Ринн, будущий король Штормграда.

Артас поклонился равному по положению.

– Ваше высочество, – с подобающей учтивостью сказал он, – я рад приветствовать вас в Лордероне. Сожалею лишь, что обстоятельства встречи не слишком радостны.

Вариан изящно поклонился в ответ.

– Как я уже говорил королю Теренасу, я благодарен вам за помощь и поддержку в трудные времена.

В голосе его слышалась неловкость, напряжение, безмерная усталость.

Артас окинул взглядом одежду Вариана – плащ, дорожный мундир и брюки из рунической ткани, украшенные шитьем. Казалось, Вариан носит все это полжизни – так перепачкан был его наряд. В дороге он явно пытался умыться, но так и не смог избавиться от следов грязи у висков и черной каймы под ногтями.

– Я распоряжусь, и вскоре вам приготовят обед, полотенца, горячую воду и ванну, дабы вы смогли привести себя в порядок, принц Вариан.

Обращаясь к гостю, Теренас не забывал о его титуле. Со временем это пройдет, однако Артас прекрасно понимал, зачем король подчеркивает высоту положения принца в эти минуты. Сейчас Вариану, как никогда, нужно было видеть, что к нему относятся с прежним почтением, что он – принц королевской крови, хоть и потерял абсолютно все, кроме жизни.

Вариан сжал губы и кивнул.

– Благодарю вас, – из последних сил выговорил он.

– Артас, оставляю гостя на твоем попечении.

Ободряюще стиснув плечо Вариана, Теренас вышел и прикрыл за собою дверь.

Мальчишки молча взирали друг на друга. Вскоре молчание сделалось неловким, но Артасу, как назло, не приходило в голову ничего подходящего.

– Мне очень жаль вашего отца, – в конце концов выпалил он.

Вариан вздрогнул, отвернулся и отошел к огромным окнам, открывавшим вид на озеро Лордамер. Из туч, собиравшихся в небе все утро, наконец-то повалил снег. Пушистые хлопья лениво кружили в воздухе и тихо падали вниз, укрывая землю мягкой белой пеленой. Плохо дело: ясным днем отсюда было бы видно все до самой крепости Фенриса.

– Благодарю вас.

– Не сомневаюсь, он погиб, доблестно сражаясь, и врагам дорого обошлась его смерть.

– Он был вероломно убит.

Слова Вариана прозвучали резко, грубовато, равнодушно. От изумления Артас высоко вскинул брови. Обращенный к нему, профиль Вариана был озарен холодным светом зимнего дня. Лицо гостя казалось неестественно хладнокровным; одни только карие глаза – в кровавых прожилках, полные боли – выглядели живыми.

– Одна особа, считавшаяся верным другом короля, сумела добиться разговора наедине и убила его. Ударом в самое сердце.

Артас смотрел на штормградского принца во все глаза. Смерть отца в славном бою – тоже немалое горе, но такое...

Повинуясь внезапному порыву, он положил руку на плечо осиротевшего штормградского принца.

– Вчера я видел, как родился на свет жеребенок, – сказал он. Глупость, конечно... однако это было первым, что пришло в голову, и говорил Артас от всей души. – Вот снег пройдет, я отведу тебя посмотреть. Он – просто чудо.

Вариан повернулся к Артасу и смерил его долгим взглядом. Обида на его лице сменилась недоверием, благодарностью, тоской, и, наконец, пониманием. Опустив голову, он спрятал лицо в ладонях, и плечи его затряслись от рыданий. Да, Вариан изо всех сил старался заглушить их, однако щемящий, горестный плач по отцу, по павшему королевству и по привычной жизни, для скорби о коих до этой самой минуты у него, вполне возможно, просто не было времени, неудержимо рвался наружу. Еще крепче стиснув его плечо, Артас почувствовал, что оно затвердело, как камень.

– Терпеть не могу зимы, – всхлипнул Вариан.

Эти простые слова, будто бы сказанные невпопад, были полны такой муки, что Артасу сделалось стыдно. Не в силах смотреть на столь неприкрытую боль, но и не зная, чем тут можно помочь, он отвернулся к окну.

За окном все так же шел снег.

Глава вторая

Артас был разочарован.

Когда Лордерона достигли вести об орках, он решил, что теперь-то – возможно, вместе с новым другом Варианом – начнет, наконец, всерьез учиться воинскому искусству, однако все обернулось совершенно иначе. Война с Ордой послужила причиной тому, что все, хоть как-то умеющие владеть мечом, вплоть до мастера-кузнеца, отправились биться с врагом. Сжалившись над младшим другом, Вариан некоторое время помогал ему в этом чем мог, но в конце концов сокрушенно вздохнул и сочувственно взглянул на Артаса.

– Артас, ты только не обижайся, но...

– Но я ужасен?

Вариан поморщился. Разговор этот начался в оружейном зале, после очередного учебного поединка на деревянных мечах, в шлемах и кожаных нагрудниках. Подойдя к стойке, Вариан убрал на место учебный меч, снял шлем и продолжал:

– Я просто удивляюсь: ты ведь силен и быстр.

Артас насупился. Неплохо зная Вариана, он понимал: старший из принцев просто пытается смягчить удар. Мрачно поникнув головой, он последовал за ним, тоже поставил меч в стойку и принялся расстегивать нагрудник.

– В Штормграде начинают учиться с самого детства. К твоим годам у меня уже были собственные доспехи, выкованные специально для меня.

– Не трави душу, – буркнул Артас.

– Прости.

Вариан широко улыбнулся, и Артас неохотно улыбнулся в ответ. Да, их первая встреча была исполнена неловкости и скорби, но после Артас обнаружил, что Вариан крепок духом и склонен смотреть на жизнь с оптимизмом.

– Я просто не понимаю, отчего твой отец не поступил так же.

Артас прекрасно знал, отчего.

– Беречь меня пытается.

Повесив на место кожаный нагрудник, Вариан повернулся к Артасу и заговорил серьезно.

– Мой тоже пытался. Но не вышло. Суровой правде жизни это пришлось не по вкусу. Видишь ли, в чем дело: меня учили биться, а не обучать бойцов. Вот я и опасаюсь: вдруг еще раню тебя?

Артас покраснел. О том, что он, Артас, тоже может ранить Вариана, тот даже не заикнулся.

Видя, что все эти разговоры лишь глубже увлекают Артаса в трясину обид, Вариан хлопнул его по плечу.

– Знаешь, что? Когда война кончится и мы снова сможем нанять настоящего учителя, я пойду с тобой поговорить с королем Теренасом. Не сомневаюсь, тогда ты живо оставишь меня позади!

Мало-помалу война подошла к концу, завершившись триумфом Альянса. Вождь Орды, некогда всесильный Оргрим Молот Рока, был доставлен в столицу в цепях. Вид могучего орка, на глазах у всех следующего под стражей через Лордерон, произвел на Артаса с Варианом немалое впечатление. Туралион, юный лейтенант паладинов, одержавший победу над Молотом Рока после того, как от руки орка пал в битве благородный Андуин Лотар, проявил милосердие – пощадил врага, и Теренас, человек в душе добросердечный, продолжал в том же духе, запретив причинять чудовищу вред. Презрительный свист, гневные крики – пожалуйста: увидев орка, так долго сеявшего повсюду ужас и разорение, а ныне лишенного власти, под градом насмешек, люди весьма воспрянут духом. Но пока Оргрим Молот Рока в руках Теренаса, ему не причинят никакого вреда.

То был единственный раз, когда Артас увидел лицо Вариана искаженным от ненависти, однако решил, что тут уж друга упрекнуть не в чем. Если бы орки убили Теренаса с Утером, ему бы, пожалуй, тоже захотелось плюнуть в эти жуткие зеленые морды!

– Он должен быть убит, – прорычал Вариан, глядя со стены, как Молота Рока ведут к дворцу. В глазах штормградского принца полыхала злоба. – И хорошо бы это доверили мне!

– Его отправят в Подгород, – сказал стоявший рядом Артас.

Подгородом, будто то была просто еще одна часть столицы, в народе называли древние королевские гробницы, подземелья, канализационные стоки – словом, целый лабиринт подземных ходов глубоко под дворцом. Темный, промозглый, грязный, Подгород был предназначен лишь для покойников да заключенных, однако беднейшие из бедных лордеронцев каким-то образом отыскивали туда лазейки. Если ты лишен крова, там в любом случае лучше, чем замерзать, положившись на милость стихий, а если кому-то понадобится нечто... скажем так, не вполне законное, то и ему путь туда же – это прекрасно знал даже Артас. Время от времени стражники спускались вниз, прочесывали подземелья в отчаянных (и в итоге бесплодных) попытках очистить их, но после этого жизнь в Подгороде продолжала течь своим чередом.

– Выбраться из Подгорода еще никому не удавалось, – заверил Артас друга. – Так что его ждет смерть в темнице.

– Этого ему мало, – ответил Вариан. – Туралион должен был убить его при первой же возможности.

Слова Вариана оказались пророческими. Великий вождь орков лишь сделал вид, будто пристыжен, посрамлен обрушившимся на него презрением и ненавистью. Как выяснилось, дух Оргрима был вовсе не сломлен. Поверив в его уныние (так говорилось в подслушанной Артасом беседе), стерегшие орка стражники мало-помалу расслабились и утратили бдительность. Как Оргриму Молоту Рока удалось устроить побег, точно выяснить не удалось: беглец не оставил живых свидетелей, свернув шеи всем стражам, попавшимся навстречу. Однако путь его был отмечен следом из мертвых тел (стражей, нищих, преступников – Молот Рока не пощадил никого), ведущим от настезь распахнутой двери темницы через Подгород к единственному выходу – к зловонным канализационным стокам. Вскоре Оргрим вновь был изловлен и на сей раз посажен в лагерь для военнопленных. Когда он сбежал и оттуда, весь Альянс затаил дух в ожидании нового нападения, однако набег не возобновлялись. Либо Оргрима наконец-то постигла смерть, либо он все же утратил боевой дух.

С тех пор миновало два года, и теперь все выглядело так, будто Темный Портал, сквозь который Орда впервые проникла в Азерот – тот самый, закрытый Альянсом по окончании Второй Войны – вот-вот откроется снова. А то и уже открыт – этого Артас толком не знал, так как ему, похоже, никто не собирался ни о чем рассказывать, пусть даже однажды ему предстоит стать королем самому.

День выдался прекрасным – солнечным, ясным, теплым. С одной стороны, Артасу очень хотелось вывести на прогулку своего нового коня по кличке Непобедимый – того самого жеребенка, родившегося на его глазах в ту горькую, двухлетней давности зиму. Может быть, позже

он так и делает. Но сейчас путь вел его в оружейную, где они с Варианом бились на деревянных мечах и Вариан заставил его краснеть. Конечно, никакого пренебрежения он и в мыслях не имел, однако обида все равно жалила, будто пчела.

Все эти два года.

Войдя в зал, Артас подошел к стойке с деревянными учебными мечами и взял один из них в руки. В одиннадцать у мальчика, по словам гувернантки, началась «усиленная прибавка роста» – именно так она выразилась при расставании, прослезившись, обняв его и объявив, что теперь он «настоящий юноша» и гувернантка ему больше не нужна. Тот маленький меч, с которым он практиковался в девять, был совсем детским, а сейчас Артас действительно стал настоящим юношей пяти футов и восьми дюймов ростом, и, если наследственность хоть что-нибудь да значит, со временем должен был вырасти еще выше. Взвесив меч в руке, он взмахнул им из стороны в сторону и вдруг заулыбался до ушей.

Крепко сжав рукоять, Артас двинулся к старым рыцарским латам у стены.

– Эй! – крикнул он, воображая, будто перед ним одно из тех отвратительных зеленых чудищ, что так долго не давали покоя отцу, выпрямился в полный рост и поднес острие меча к горлу лат. – Думаешь, ты пройдешь здесь, гнусный орк? Ты в землях Альянса, но на этот раз я тебя пощажу! Ступай прочь и больше не возвращайся!

Ах да, ведь орки не понимают, что такое повинование или королевские почести. Они же – просто грубое неразумное зверье. Значит, и этот откажется преклонить колено и выразить покорность.

– Что? Так ты не уйдешь? Ладно! Я дал тебе шанс, но теперь будем биться!

С этими словами он сделал выпад – точно так же, как Вариан. Не в латы, нет, ведь латы эти были вещью очень древней и ценной, но в стену, совсем рядом. Укол, удар, защита, нырок под взмах вражьего меча, клинок за собой, поперек тела, разворот и...

И тут Артас ахнул. Меч, будто вдруг зажил собственной жизнью, выскользнул из руки, бешено вращаясь, пролетел через зал, загремел об пол, скользнул по мраморным плитам и с медленно затихающим шорохом остановился.

Проклятье!

Артас оглянулся на дверь... и встретился взглядом с Мурадином Бронзобородом.

Посла дворфов в Лордероне, брата короля Магни Бронзоборода, Мурадина очень любили при дворе за живость характера и серьезный, обстоятельный подход ко всему на свете – от доброго эля с пирожными до государственных дел. Вдобавок, он обладал репутацией превосходного воина, хитроумного и беспощадного в битве.

И вот только что, на его глазах, будущий король Лордерона не просто играл в войну с орками, но не сумел удержать в руках меч! Все тело покрылось потом, щеки обдало жаром стыда.

– Э-э... – протянул Артас, пытаясь хоть немного прийти в себя. – Посол... Я просто...

Дворф кашлянул и отвел взгляд.

– Я, малец, отца твоего ищу, да никак не найду. Не покажешь ли, как тут пройти? В этом адском месте столько поворотов...

Артас безмолвно указал в сторону лестницы слева и проводил дворфа взглядом. Больше никто из них не сказал ничего.

Еще никогда в жизни Артасу не бывало так стыдно! В глазах защипало, мальчик изо всех сил заморгал, сдерживая слезы, и, даже не потрудившись убрать на место деревянный меч, выбежал вон из зала.

Спустя десять минут он, наконец-то свободный, выехал из конюшен и отправился на восток, к холмам вокруг Тирисфальских лесов. При нем было две лошади: смирный, серый в яблоках мерин по кличке Чистосердечный, на котором принц ехал верхом, а рядом, на длинном учебном поводу бежал жеребенок-двухлетка Непобедимый.

Особую связь с ним Артас почувствовал, едва взглянул жеребенку в глаза – сразу же после его рождения. Именно в этот момент юный принц понял: вот он, его будущий конь, его будущий друг, благородный скакун с благородным сердцем, столь же, как и доспехи, и оружие – и даже более – неотделимый от него самого. При надлежащей заботе породистые лошади могут прожить, по меньшей мере, лет двадцать, и все эти двадцать лет Непобедимый будет величаво выступать под седлом Артаса во время церемониальных парадов, а в прочие дни исправно носить его на верховые прогулки. Вот только для битв Непобедимый не годился. Боевых коней выращивают отдельно, а используют только в надлежащее время и в надлежащих целях. Когда настанет час отправиться на войну, Артас получит такого коня, ну а Непобедимый станет – вернее сказать, уже стал – неотъемлемой частью его обыденной жизни.

От рождения серые, с возрастом шкура, грива и хвост жеребенка побелели, словно снега, укрывавшие землю в тот памятный день. Цвет этот редко встречался даже среди лошадей завода Балниров, «белая» масть которых чаще всего на поверку оказывалась светло-серой. Придумывая ему имя, Артас поиграл с идеями наподобие «Снегопада» или «Звездного луча», но в конце концов решил последовать неписаной традиции лордеронских рыцарей и дал своему будущему коню имя, означавшее некое качество. Скакун Утера носил кличку «Неутомимый», конь Теренаса был «Отважным», а его будущий друг стал «Непобедимым».

Артасу отчаянно хотелось поскорее проехаться на нем, но главный конюший предупредил: два года – это минимум на год меньше, чем следует.

– Двухлетки еще малыши, – сказал он. – Они только растут, кости их еще не окрепли. Наберитесь терпения, ваше высочество. Год ожидания – срок недолгий: ведь этот конь будет верой и правдой служить вам два десятка лет.

И все же время ожидания оказалось мучительно долгим. Долгим просто-таки нестерпимо.

Все сильнее и сильнее раздражаемый неторопливым легким галопом – видимо, самым быстрым, на какой был способен Чистосердечный, Артас оглянулся назад. В сравнении с престарелым мерином, жеребенок-двухлетка словно бы плыл по воздуху, и это не стоило ему ни малейших усилий. Уши его были устремлены вперед, ноздри раздувались, вбирая запахи леса, глаза ярко блестели, будто подбадривая: «Давай, Артас, давай, не робей! Для этого я и рожден!»

Уж один-то разок наверняка не повредит! Что страшного может случиться, если на Непобедимом совсем чуть-чуть прокатиться галопом, а после вернуться в конюшни, как ни в чем не бывало?

Пустив Чистосердечного шагом, Артас остановил его и привязал поводья к ветке, склонившейся к самой траве. Стоило ему подойти к Непобедимому, тот негромко заржал и потянулся навстречу. Артас угостил его ломтиком яблока и широко улыбнулся, почувствовав бархатистую мягкость лошадиных губ на ладони. Для прогулок Непобедимого неизменно седлали: приучение коня ходить под седлом – немаловажная часть долгой, неспешной процедуры объезды. Конечно, пустое седло на спине – совсем не то, что живой человек, однако Артас провел с конем столько времени... Произнеся короткую молитву, он быстро, чтоб Непобедимый не успел шагнуть в сторону, вскочил на коня верхом.

Непобедимый поднялся на дыбы и бешено заржал. Репьем вцепившись в жесткую гриву, Артас изо всех сил стиснул шенкелями его бока. Конь под ним заплясал, взбрыкнул копытами, рванулся вперед, но Артас словно прилип к седлу. Когда Непобедимый попробовал сбросить седока, промчавшись под низко нависшей веткой, он вскрикнул от испуга, но рук не разжал.

И тут Непобедимый пустился в галоп.

Точнее сказать, полетел – по крайней мере, именно так показалось восторженному юному принцу, со счастливой улыбкой припавшему к шее коня. Сердце его билось так, точно вот-вот вырвется из груди: на таком быстром скакуне ему не приходилось ездить еще никогда в жизни.

Править он даже не пробовал – тут бы хоть удержаться. Ах, что за скачка! Славная, дикая, прекрасная – не скачка, просто мечта! Скоро они...

Не успев понять, что происходит, Артас взмыл в воздух, перевернулся через голову и распластался по траве. От сильного удара о землю надолго перехватило дух. Мало-помалу придя в себя, он медленно поднялся на ноги. Все тело нестерпимо ломило, однако кости оказались целы.

Одна беда: Непобедимый быстро уносился прочь и вскоре превратился в крохотное белое пятнышко, едва различимое вдаль. Яростно выругавшись, Артас пнул подвернувшуюся под ноги кочку и крепко сжал кулаки. Да-а, вот это влип...

У въезда в конюшни его ждал сэр Утер Светоносный. Скривившись, Артас соскользнул с Чистосердечного и отдал поводья стремянному.

– Непобедимый недавно вернулся домой сам. Со скверной царапиной на ноге, но, думаю, ты будешь рад слышать: главный конюший сказал, что с ним все будет в порядке.

В пути Артас думал, не попробовать ли соврать – сказать Утеру, что кони испугались, понесли, и Непобедимый удрал. Но травяные пятна на одежде наглядно свидетельствовали о падении, а Утер ни о чем не поверил бы, будто принц не сумел удержаться на смирном старом Чистосердечном, напуган тот или нет.

– Ты же знаешь: ездить на нем пока рано, – неумолимо продолжал Утер.

– Знаю, – со вздохом ответил Артас.

– Артас, неужели ты не понимаешь? Если коня в этом возрасте перегружать, он...

– Хорошо. Я все понял. Я мог его покалечить. Это... я же только разок!

– И больше этого не повторится, не так ли?

– Да, сэр, – угрюмо подтвердил Артас.

– Ты пропустил уроки. Опять.

Артас молчал, не поднимая взгляда на Утера. Он был зол и пристыжен. Все тело болело так, что хотелось только одного – улечься в горячую ванну да выпить отвара из остротерна, чтобы унять боль. Да еще правое колено здорово опухло...

– Что ж, по крайней мере, ты вполне успеваешь к послеобеденной молитве, – сказал Утер, смерив Артаса взглядом. – Только прежде нужно вымыться.

Действительно, Артас не на шутку вспотел и понимал, что несет от него, как от лошади. «Ну и что? – подумал он. – Запах как запах. Хороший. Честный».

– Поторопись, – велел Утер. – Собираемся в часовне.

Сказать по правде, Артас даже не знал, о чем сегодня предстоит молиться, и снова почувствовал смутные угрызения совести. Свет был весьма важен и для отца, и для Утера, и оба очень хотели, чтоб Артас уверовал в него так же крепко, как и они сами. Однако... Конечно, с собственными глазами не поспоришь: да, Свет действительно существует – Артас не раз видел, как жрецы и паладины нового ордена творят его именем настоящие чудеса исцеления и защиты, вот только самого принца никогда не тянуло часами, как Утер, сидеть в медитации, или благоговейно поминать Свет через слово, как отец. Для Артаса Свет просто... существовал, и все тут.

Час спустя, вымытый и переодетый в простой, но элегантный костюм, Артас поспешил к небольшой семейной часовне в королевском крыле дворца.

Миниатюрная версия традиционных часовен, какие можно увидеть в любом человеческом городе – разве что чуточку роскошнее в том, что касалось деталей убранства, зал королевской часовни был невелик, но просто прекрасен. Искусно выкованная из золота и украшенная самоцветами, общая чаша покоилась на столе превосходной старинной работы, и даже скамьи были отделаны удобной мягкой обивкой, тогда как простой народ обходился простыми, дощатыми.

Тихо войдя внутрь, Артас понял, что явился последним, и слегка вздрогнул: ведь у отца в гостях важные персоны! Сегодня на молитве, кроме постоянных прихожан – родных, Утера и Мурадина – присутствовал король Троллебой (хотя он явно был рад этому еще меньше, чем Артас) и... И кое-кто еще – высокая, стройная девчонка с длинными светлыми волосами, стоявшая спиной к дверям. Заглядевшись на незнакомку, Артас наткнулся на одну из скамей.

С тем же успехом он мог бы уронить на пол тарелку. Королева Лианна, в свои пятьдесят с небольшим ничуть не утратившая красоты, обернулась на звук и ласково улыбнулась сыну. Платье сидело на ней безукоризненно, волосы были убраны под золотой капюшон, из-под коего не выбивалось ни одной непокорной прядки. Четырнадцатилетняя Калия – нескладная, длинноногая, совсем как Непобедимый сразу же после рождения – смерила брата многозначительным взглядом. Очевидно, о проступках Артаса всем уже известно, не то она просто рассердилась бы на его опоздание. Теренас кивнул сыну и вновь повернулся к епископу, отправлявшему службу. Уловив в его взгляде безмолвное осуждение, Артас внутренне съежился. Что до Троллебоя, тот не удостоил принца никакого внимания, и Мурадин тоже не обернулся.

Артас плюхнулся на одну из скамей у задней стены. Епископ начал службу и воздел кверху руки, окруженные неярким белым сиянием. Вот бы девчонка слегка повернулась, чтоб Артас сумел взглянуть на ее лицо! Кто это может быть? Очевидно, дочь благородного дворянина или еще какой-нибудь высокопоставленной персоны, иначе ее не пригласили бы на королевскую семейную службу. Артас задумался, гадая, кто же она такая: это было куда интереснее молить.

– ...И его королевское высочество Артаса Менетила, – нараспев провозгласил епископ.

Артас вздрогнул и поднял взгляд, гадая, не пропустил ли чего-нибудь важного.

– Да благословит его Свет в каждом помысле, в каждом слове и деле, дабы здравствовал принц в лучах его и рос верным его паладином!

Едва благословение отзвучало, все тело исполнилось тепла и покоя. Боль и скованность разом исчезли, сменившись приливом сил и умиротворением.

Епископ повернулся к королеве с принцессой:

– И да осияет Свет ее королевское величество Лианну Менетил, дабы...

Артас довольно улыбнулся и прислонился к стене. Оставалось только чуточку подождать: благословляя каждого в отдельности, епископ непременно назовет и имя девчонки.

– А также смиренно просим о ниспослании благословения Света Небесного леди Джайне Праудмур. Да ниспошлет ей Свет целительную силу свою и да укрепит ее разум, дабы...

Ага! Вот тайна и перестала быть тайной! Выходит, это – Джайна Праудмур, годом младше него, дочь адмирала Дэлина Праудмура, героя морских баталий, правителя Кул-Тираса. Интересно, зачем она здесь, и...

– ...И чтобы учеба ее в Даларане шла благополучно. Пусть же станет она на путь Света и, сделавшись магом, верой и правдою служит своим подданным!

Теперь все становилось ясно. Она направляется в Даларан, великолепную столицу магов невдалеке от Лордерона. И, согласно строжайшим правилам этикета, насквозь пронизывающим всю жизнь королей и дворян, перед тем, как отправиться дальше, проведет во дворце не меньше нескольких дней.

«А это, пожалуй, здорово», – подумал Артас.

По завершении службы принц, втихомолку придвинувшись к двери, покинул часовню первым. Следом за порог, явно радуясь окончанию службы, вышли Мурадин с Троллебоем. За ними двигались Теренас, Утер, Лианна и Калия с Джайной.

Обе они – и сестра, и дочь Праудмура – были худощавы и светловолосы, но этим их сходство и ограничивалось. Неяркая, хрупкая, тонкая в кости, бледнокожая Калия словно сошла с одного из старинных портретов. Другое дело – Джайна: ясный взгляд, живая улыбка, и дви-

жется так, точно давно привыкла к конным и пешим прогулкам. И вообще явно не сидит целыми днями взаперти: щеки загорели, на переносице – брызги веснушек...

«Пожалуй, эта девчонка не станет хныкать, получив в лоб снежком, и не откажется искупаться в жаркий солнечный день, – решил Артас. – С такой, в отличие от сестры, вполне можно поиграть».

– Артас, на пару слов, – раздался грубоватый низкий бас за плечом.

Обернувшись, Артас встретился взглядом с посланцем из Стальгорна.

– Конечно, сэра, – ответил он, немедля упав духом.

В эту минуту ему больше всего хотелось бы поговорить с новой подружкой (в том, что они прекрасно подружатся, он даже не сомневался), а Мурадин, скорее всего, вознамерился еще раз напомнить ему об утреннем конфузе в оружейном зале...

Что ж, по крайней мере, дворфу хватило такта отойти на пару шагов в сторонку. Повернувшись к принцу, он сунул за пояс короткие, толстые большие пальцы и задумчиво сдвинул густые, резко очерченные брови.

– Малец, – заговорил он, – скажу тебе прямо. Бьешься ты – это жуть, что такое.

Щеки Артаса снова обдало жаром.

– Я знаю, – ответил он, – но отец...

– У твоего отца в голове куча дел. И ты даже не думай хоть словом его упрекнуть.

Ну, а что же еще он должен был ответить?

– Хорошо, но не могу же я выучиться драться сам по себе. Ты сам видел, что из этого вышло.

– Что ж, если хочешь, я тебя поучу.

Поначалу Артас не поверил собственным ушам, но тут же чуть не запрыгал от восторга. Кроме множества прочих вещей, дворфы славились на весь Азерот боевой выучкой.

– Ты? Правда?

В глубине души принц подумал, не научит ли его Мурадин заодно, не пьянея, пить эль (еще одно искусство, которым дворфы славились на весь мир), однако об этом он почел за лучшее промолчать.

– Ну да, я же так и сказал, верно? Я говорил с твоим отцом – он всей душой за. И так уже вон сколько времени потеряно впустую. Только знай: никаких отговорок я не потерплю. И спрашивать с тебя стану по всей строгости. И если однажды скажу себе: «Зря стараешься, Мурадин», – тут всей учебе и конец. Согласен, малец?

Услышав, как дворф настолько меньше него ростом называет его мальцом, Артас едва сумел сдержать неуместное хихиканье.

– Да, сэра! – с жаром сказал он.

Мурадин кивнул и протянул принцу огромную мозолистую ладонь. Пожав дворфу руку, Артас с широкой улыбкой поднял взгляд на отца, поглощенного разговором с Утером. Оба разом повернулись к нему, задумчиво сощурились, и Артас мысленно вздохнул. Он знал, что означает этот взгляд. Вот тебе и поиграл с Джайной: скорее всего, у него не останется времени даже на то, чтобы еще хоть раз встретиться с ней до отъезда.

Повернувшись в сторону девочек, он едва успел увидеть, как Калия, приобняв Джайну за плечи, увлекает ее за собой. Однако прежде, чем скрыться за дверью, дочь адмирала Праудмура оглянулась, встряхнула золотистыми локонами, взглянула прямо в глаза Артаса и улыбнулась.

Глава третья

– Я очень горд тобой, Артас, – объявил отец. – Принять на себя такую ответственность...

Ответственность... Под девизом ответственности прошла для него вся неделя, проведенная Джайной Праудмур во дворце семьи Менетиллов на положении почетной гостьи. И дело было вовсе не только в начале учебы у Мурадина, спрашивавшего с ученика по всей строгости, как и обещал; вовсе не только в боли натруженных мускулов и синяках, подкрепляемых звонким шлепком по уху всякий раз, как Мурадину покажется, будто Артас слушает его наставления без подобающего внимания. Опасения Артаса целиком подтвердились: Утер с Теренасом решили, что принцу пора всерьез взяться и за другие науки. Теперь он каждый день поднимался с рассветом, наскоро завтракал хлебом да сыром и отправлялся на утреннюю верховую прогулку в компании Мурадина. За верховой прогулкой следовала пешая, причем вовсе не Мурадин, а он, двенадцатилетний Артас, всякий раз заканчивал ее запыхавшись и с дрожью в коленях. Порой Артас втайне гадал: уж не потому ли дворфы питают такую любовь к камням, что от самой земли получили способность с легкостью лазать по ним? Вернувшись домой, принц принимал ванну и сразу садился за уроки. История, математика, чистописание, затем обед, ну а потом – весь день до вечера в часовне, с Утером, в молитвах, медитации, в беседах о добродетелях паладинов и о строгостях дисциплины, которую им надлежит неуклонно блюсти. Далее – ужин, а после... А после Артас с трудом добредал до кровати и забывался глубоким, без сновидений, сном человека, чьи силы исчерпаны до самого дна.

Джайну он видел всего два раза, за ужином. Похоже, с Калией они подружились – водой не разольешь.

Наконец Артас решил, что с него хватит, и, кое-как уместив в голове очередную порцию истории и политики, обратился к отцу и Утеру с предложением лично проводить почетную гостью, леди Джайну Праудмур, в Даларан. О причине – желании хоть на время увильнуть от новых обязанностей, упоминать, конечно же, не стал. Теренас был рад обнаружить в сыне столь похвальную ответственность, Джайна лучезарно улыбнулась в предвкушении путешествия, а он, Артас, добился своего – одним словом, дело решилось к общему удовольствию.

Итак, в самом начале лета, когда расцвели цветы, леса наполнились дичью, а над головами, в яркой синеве небес, заиграло солнце, принц Артас Менетил отправился провожать улыбчивую светловолосую юную леди в путь к дивному городу магов.

Выехали с небольшим запозданием: как оказалось, Джайна Праудмур особой пунктуальностью не отличалась, но Артас не возражал. Кому-кому, а уж ему спешить было некуда. Ехали, разумеется, не одни. Согласно требованиям приличий, Джайну сопровождала фрейлина и пара конных стражей, однако слуги держались позади, не мешая знакомству двух юных аристократов. Через какое-то время решили остановиться и перекусить на вольном воздухе. Пока они жевали хлеб с сыром, запивая еду разбавленным водю вином, к Артасу подошел один из его людей.

– С вашего позволения, сэръ, мы приготовим все необходимое для ночлега в Янтарной мельнице, а остаток пути до Даларана проделаем завтра. К ночи будем на месте.

Артас покачал головой.

– Нет, едем дальше. На ночь встанем лагерем в предгорьях Хилсбрада. Таким образом, леди Джайна прибудет в Даларан завтра до полудня.

С этими словами он улыбнулся Джайне, и та улыбнулась в ответ, однако во взгляде ее мелькнуло скрытое разочарование.

– Вы уверены, сэр? Мы рассчитывали воспользоваться гостеприимством местных жителей, не вынуждая леди спать под открытым небом.

– Все замечательно, Кайван, – подала голос Джайна. – Я ведь не хрупкая фарфоровая статуэтка.

Артас улыбнулся шире прежнего. Оставалось надеяться, что Джайна не передумает через пару часов.

Пока слуги обустроивали лагерь, Артас с Джайной отправились исследовать окрестности. С вершины холма неподалеку открывался превосходный вид. На западе виднелось крохотное крестьянское селение Янтарная мельница и даже острые шпили замка барона Сильверлейна. Обратив взгляд к востоку, можно было разглядеть вдали сам Даларан, и тем более – лагерь для военнопленных к югу от города магов. В такие лагеря по завершении Второй Войны сгоняли орков: как объяснял Артасу Теренас, это куда милосерднее, чем истреблять их на месте. Кроме этого, орков словно бы охватила какая-то странная немочь. Всякий раз, когда люди случайно наткнулись на них либо выслеживали их намеренно, сопротивлялись они равнодушно, вполсилы, и в заключение отправлялись мирно. Подобных лагерей было устроено около десятка.

Пужинали по-походному – кроликом, зажаренным на вертеле, и вскоре после наступления темноты улеглись спать. Убедившись, что все уснули, Артас накинул мундир, быстро натянул сапоги, в последний момент прицепил к поясу один из своих кинжалов и прокрался к Джайне.

– Джайна, – прошептал он. – Джайна, проснись.

Проснулась она без вскрика, без испуга – просто открыла глаза, ярко блеснувшие в лунном свете, и приподнялась на локте. Артас, пригнувшись к земле, приложил палец к губам.

– Артас? – шепнула Джайна. – Что случилось?

Артас широко улыбнулся.

– Готова ли ты к приключениям?

Джайна склонила голову набок.

– К каким еще приключениям?

– Увидишь. А пока – уж поверь мне на слово.

Слегка поразмыслив, Джайна кивнула.

– Ну, хорошо.

Спала она, как и все остальные, почти не раздевшись – оставалось только обуться да накинуть плащ. Поднявшись на ноги, она кое-как приладила длинные светлые волосы и снова кивнула – в знак готовности.

Вместе они взобрались на тот самый холм, что успели обследовать с вечера. Ночью подъем оказался труднее, но в ярком свете луны ни Артас, ни Джайна даже ни разу не поскользнулись.

– Теперь нам туда, – сказал Артас, указывая на восток.

Джайна сглотнула.

– В лагерь для пленных?

– А ты хоть раз видела орка вблизи?

– Нет. И видеть не желаю.

Артас разочарованно нахмурил брови.

– Да ладно, не бойся. Это же наш единственный шанс взглянуть на живого орка. Неужели тебе не любопытно?

В лунном свете выражения ее лица было не различить: много ли разберешь, если глаза укрывает непроглядная тень?

– Я... Они убили Дерека. Моего старшего брата.

– Один из них и отца Вариана убил. Они убили кучу народа, потому их и держат в лагерях. И там им самое место. Многие подданные недовольны тем, что отец повышает налоги, чтобы платить за все эти лагеря, но... Сама посуди: шанс взглянуть на Молота Рока, пока он сидел в Подгороде, я уже упустил. Когда нам еще представится случай посмотреть на живого орка?

Джайна молчала. Наконец Артас вздохнул:

– Ну ладно. Давай отведу тебя назад.

– Нет, – к немалому удивлению принца возразила Джайна. – Идем.

Стараясь не шуметь, оба спустились вниз.

– Гляди, – прошептал Артас. – Когда мы были здесь в первый раз, я проследил за патрулями. Похоже, ночью у них распорядок тот же, только, может, обходы реже. Боевого духа у орков уже не осталось, так что караульные, скорее всего, считают, что вероятность побега невелика. Что нам, – с ободряющей улыбкой заметил он, – только на руку. Кроме патрулей, всегда кто-то дежурит наверху, на тех двух сторожевых башнях. Этим нужно особенно опасаться, но, надеюсь, они ждут беспорядков изнутри, а не снаружи: ведь с той стороны лагерь вплотную примыкает к отвесному обрыву. Теперь пусть этот малый завершит обход, и у нас будет куча времени, чтоб подобраться к стене вон там и как следует все рассмотреть.

Они подождали, пока скучающий караульный не скроется из виду, и для верности выждали еще немного.

– Накинь капюшон, – велел Артас.

Оба были светловолосы, и без капюшонов заметить их в темноте не составляло никакого труда. Джайна заметно встревожилась, но любопытство оказалось сильнее, и она послушно прикрыла голову. К счастью, плащи их были сшиты из темной ткани.

– Готова?

Джайна кивнула.

– Хорошо. Вперед!

Тихо, никем не замеченные, они спустились к подножью холма. Здесь Артас остановил Джайну, поджидая, пока караульный на башне не отвернется, а затем махнул ей рукой. Придерживая капюшоны, оба рванулись вперед и вскоре укрылись под стеной лагеря.

Лагеря для военнопленных строились просто, без затей, но надежно. Стена представляла собой всего-навсего частокол из бревен, не слишком плотно пригнанных друг к другу, заостренных сверху и глубоко вкопанных в землю. Меж бревнами «стены» зияло немало щелей – сплошное раздолье для любопытных мальчишек и девчонок.

Поначалу видно было плоховато, однако внутри, за стеной, темнело несколько огромных силуэтов. Артас заерзал, пристраиваясь к щели поудобнее. Да, и вправду орки! Одни лежали на земле, свернувшись клубком и укрывшись одеялами, другие бесцельно расхаживали из стороны в сторону, будто звери в клетке – только без той же неукротимой звериной тяги к свободе. А вон – что-то вроде семьи: отец, мать и ребенок... Мать, чуточку ниже ростом и уже отца в плечах, бережно прижимала к груди небольшой сверток. «Младенец», – догадался Артас.

– О, – зашептала Джайна, глядя в соседнюю щель, – у них такой... грустный вид...

Артас возмущенно фыркнул, но тут же вспомнил о тишине и бросил опасливый взгляд наверх. Нет, караульный на башне ничего не услышал.

– Грустный? Джайна, эти звери разрушили Штормград. И собирались извести под корень весь человеческий род. Во имя Света, они убили твоего брата! Нечего их жалеть.

– И все-таки... я как-то не думала, что у них тоже есть дети, – продолжала Джайна. – Видишь тех, с малышом?

– Ну да, конечно, у них тоже есть дети. Дети есть даже у крыс, – проворчал Артас.

Он был готов вспылить, но вовремя сдержался. В конце концов, чего еще ожидать от одиннадцатилетней девчонки?

– С виду они довольно безвредны. Думаешь, им вправду самое место здесь? – спросила Джайна, обратив к нему белый от лунного света овал лица в ожидании ответа. – Держать их в лагерях обходится недешево. Может, лучше взять да и отпустить?

– Джайна, – заговорил Артас, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, – они же убийцы. Хорошо, сейчас они сонны да вялы, но как знать, что будет, если выпустить их на волю?

Джайна негромко вздохнула и ничего не ответила. Артас покачал головой. На орков он уже насмотрелся, а патрульный вскоре должен был вернуться.

– Ты готова возвращаться в лагерь?

Джайна кивнула, отстранилась от щели и быстро побежала следом за Артасом к склону холма. На бегу Артас оглянулся назад и увидел, что караульный на башне поворачивается в их сторону. Метнувшись к Джайне, он обхватил ее поперек пояса, толкнул на землю и рухнул рядом.

– Не шевелись, – прошептал он. – Караульный смотрит прямо на нас.

Несмотря на неудачное падение, Джайна все поняла и мигом замерла на месте. Осторожно, пряча лицо в тени, Артас повернул голову и снова взглянул на караульного. Его лица издали было не разглядеть, однако поза стражника явно свидетельствовала об усталости и скуке. Казалось, время тянется бесконечно. Стук собственного сердца отдавался в ушах, как барабанный бой. Наконец стражник вновь повернулся к холму спиной.

– Прости, – виновато сказал Артас, помогая Джайне подняться. – Ты как, не ушиблась?

– Нет, – с улыбкой ответила Джайна.

Вскоре они вернулись в лагерь и улеглись по местам. Вполне довольный жизнью, Артас поднял взгляд к звездному небу.

День удался просто на славу.

На следующий день, поздним утром, путники въехали в Даларан. В Даларане Артас никогда не бывал, но, конечно же, слышал о нем немало. Местные маги – народ таинственный, скрытный, – несмотря на все свое могущество, предпочитали держаться особняком, разве что в них возникала настоятельная необходимость. Артасу сразу же вспомнился Кадгар, сопровождавший Андуина Лотара и принца (а ныне – короля) Вариана Ринна на переговоры с Теренсом, чтобы предупредить Лордерон об оркской угрозе. Уже само его присутствие придавало сообщению Андуина немалый вес – и вовсе не без причины: в дела повседневной политики маги Кирин-Тора не вмешивались. Мало этого, они и сами не прибегали к обыденным политическим маневрам наподобие приглашения в гости особ королевской крови. Вот и сейчас Артасу со свитой позволили въехать в город лишь потому, что Джайна направлялась сюда учиться.

Что и говорить, красоты Даларана затмевали собой даже великолепие лордеронской столицы! Город магов выглядел невероятно чистым и светлым – как, впрочем, и подобает городу, сверху донизу пронизанному магией. В небесную высь тянулись точеные белокаменные башни, увенчанные фиолетовыми с золотом шпилями. Вокруг одних парили, плясали в воздухе камни, испускавшие волшебный свет, затейливые витражи в окнах других озаряли мостовую разноцветными солнечными зайчиками. Повсюду цвели сады, и от пьянящего аромата фантастических диких цветов у Артаса едва не закружилась голова. Впрочем, возможно, виной тому были вовсе не запахи, но неумолчный гул магии в воздухе.

Следуя через город, любуясь всей этой красотой, принц казался себе таким обыкновенным, таким невзрачным, что едва не жалел о решении заночевать под открытым небом. Остановись они в Янтарной мельнице, он, по крайней мере, смог бы принять ванну... однако тогда им с Джайной ни за что не выпало бы случая тайком заглянуть в лагерь для военнопленных.

Он бросил взгляд на спутницу. Та во все глаза глядела вокруг, приоткрыв рот в восторженном благоговении. Но вот она повернулась к Артасу, и на губах ее заиграла улыбка.

– Ну, разве мне не повезло, что я буду учиться здесь?

– Еще как повезло, – согласился Артас, кое-как улыбнувшись в ответ.

Да, за подругу можно было только порадоваться. Джайна вбирала, впитывала все вокруг с жадностью человека, неделю шедшего по пустыне и наконец-то добравшегося до воды, но Артас... В этом прекрасном городе Артас чувствовал себя нежеланным, чужим: ведь у него наверняка нет и не будет таких же способностей к магии, как у нее.

– Меня предупреждали, что чужим здесь обычно не рады, – сказала она. – А я думаю, это просто стыд. Мне было бы так приятно увидеться с тобой снова...

Щеки ее покрылись легким румянцем. На время забыв об угрозе, источаемой городом магов, Артас от всего сердца согласился, что ему тоже было бы очень приятно снова увидеться с леди Джайной Праудмур.

Да, очень и очень приятно...

– Еще раз! Дерись! Бейся, девчонка ты гномская! Я вот тебе косички повыдерга... ап-п-п!

Щит угодил насмешнику-дворфу прямо в забрало шлема, да так, что противника отбросило на пару шагов назад. Артас взмахнул мечом и расплылся в азартной улыбке, чувствуя, что удар попал в цель, однако тут же взмыл в воздух и с маху рухнул на спину. На миг в прорези забрала возникла нависшая над ним голова с длинной бородой. Едва успев поднять меч и отвести удар, Артас крикнул, поджал ноги к груди и резко выпрямил их. Удар пришелся Мурадину прямо в живот. На этот раз уже не принц, а дворф взвился в воздух и покатился по полу. Быстро подобравшись, Артас одним движением вскочил, бросился следом за не успевшим подняться наставником и принялся наносить удар за ударом, пока Мурадин не произнес слово, которое Артас, сказать по правде, уже отчаялся когда-либо услышать:

– Сдаюсь!

Едва-едва сумев сдержать удар, Артас выпрямился и отступил назад, да так резко, что потерял равновесие и споткнулся. Мурадин остался лежать на полу. Грудь его тяжело вздымалась и вновь опадала книзу.

Сердце Артаса сжалось от страха.

– Мурадин! Эй, Мурадин?

Дворф одобрительно крикнул в густую бронзовую бороду.

– Славно сработано, малец, славно сработано!

С этими словами он заворочался, пытаясь сесть. Поспешив к дворфу, Артас протянул ему руку и помог подняться. Оказавшись на ногах, Мурадин радостно встряхнул руку принца.

– Выходит, не впустую учил я тебя своему особому трюку?!

Польщенный похвалой и видя, что с Мурадином все в порядке, Артас улыбнулся от уха до уха. Кое-что из показанного дворфом ему еще предстоит повторять, оттачивать и улучшать во время учебы у паладинов, но остальное... Нет, вряд ли Утеру Светоносному хоть что-то известно о пинках в живот или о том замечательно действенном фокусе с разбитой винной бутылкой! Биться можно по-разному, и Мурадин Бронзобород, по-видимому, твердо решил обучить Артаса Менетила искусству боя во всей его многогранности.

Теперь, в четырнадцать лет, Артас упражнялся с Мурадином чуть ли не каждый день, если только дворф не отбывал куда-нибудь по дипломатическим надобностям. Поначалу все шло, как оба и ожидали – крайне скверно. Первую дюжину уроков (или около того) Артас

покидал в синяках, окровавленным, прихрамывая на обе ноги. От исцеления упрямо отказывался, утверждая, что боль – необходимая часть обучения. Мурадин одобрял это и проявлял одобрение, спрашивая с ученика строже прежнего. Нет, Артас не жаловался, как бы порой ни хотелось – даже когда Мурадин бранился, смеялся над ним либо продолжал атаковать еще долго после того, как выбившийся из сил принц не мог даже поднять щита.

За это упрямое нежелание пустить слезу, а то и бросить учебу, он был вознагражден вдвойне. Во-первых, он учился, и учился неплохо, а во-вторых – заслужил уважение Мурадина Бронзоборода.

– О да, сэр, никак не впусую, – усмехнулся принц.

– Добро, малец, добро! – прогудел Мурадин, хлопнув ученика по плечу. – Ну, а теперь марш с глаз долой. Сегодня ты получил неплохую встрепку и вполне заслужил чуточку отдыха.

С этими словами он слегка сощурился, и Артас кивнул, словно бы соглашаясь с ним. Сегодня встрепку получил как раз не он, а Мурадин, но Мурадин, похоже, радовался этому не меньше самого принца. Сердце Артаса исполнилось душевного тепла. Несмотря на всю строгость наставника, Артас успел здорово привязаться к нему.

Шагая в свои покои, он негромко засвистел, однако внезапный крик неподалеку заставил его замереть на месте.

– Нет, отец! Нет!

– Калия, мне надоел этот разговор. В данном вопросе ты права голоса не имеешь.

– Папочка, прошу тебя! Нет!

Дверь в спальню Калии была приоткрыта. Слегка встревоженный, Артас придвинулся ближе и прислушался. Как же так? Ведь Теренас в Калии души не чаёт! Какое же требование отца могло настолько выбить ее из колеи, да еще заставить вспомнить о ласковом «папочка» – об обращении, которым ни Калия, ни он сам не пользовались уж который год?

Калия судорожно всхлипнула. Не в силах больше выносить этого, Артас распахнул дверь.

– Простите, я не хотел вас подслушивать, но... Что случилось?

В последнее время Теренас нередко вел себя как-то странно, а вот теперь, похоже, жутко разгневался на шестнадцатилетнюю дочь.

– Это не твое дело, Артас, – пророкотал король. – Я рассказал Калии о том, чего от нее хочу. И она послушается.

Калия рухнула на кровать. Плечи ее вздрагивали от рыданий. Изумленный до глубины души, Артас смотрел то на отца, то на Калию во все глаза. Теренас пробормотал что-то себе под нос и стремительно вышел из спальни. Артас нерешительно оглянулся на Калию и последовал за отцом.

– Отец, прошу тебя, объясни: что происходит?

– Не задавай лишних вопросов. Долг Калии – повиноваться отцовской воле.

С этими словами Теренас распахнул дверь и вошел в приемную. Там ожидал его лорд Давал Престор, молодой дворянин, к которому Теренас, похоже, относился с немалым уважением, и два заезжих волшебника из Даларана – этих Артас не знал.

– Артас, беги к сестре и постарайся ее успокоить. Я вернусь к вам, как только освобожусь, обещаю.

Еще раз взглянув на гостей, Артас кивнул и снова отправился в комнаты Калии. За все это время старшая сестра так и не сдвинулась с места, только плач ее несколько поутих. Не зная, чем ее утешить, да к тому же чувствуя себя крайне неловко, Артас попросту присел рядом.

Калия подняла голову и тоже села. Лицо ее было мокрым от слез.

– Прости, ч-что тебе п-приходится это видеть, Артас... но, м-может быть, это к лучшему.

– Чего отец от тебя хочет?

– Хочет, чтоб я вышла замуж. Против собственной воли.

Артас недоуменно заморгал.

– Кали, тебе же всего шестнадцать. Ты же еще не доросла до замужества!

Калия потянулась за носовым платком и промокнула полные слез глаза.

– Так я ему и ответила. Но отец сказал: это неважно. Пока что нас официально обручат, а в день моего рождения я стану женой лорда Престора.

Артас понимающе приподнял брови. Так вот зачем Престор здесь...

– Ну, – неловко заговорил он, – у него обширные связи, и он... пожалуй, недурен собой. Все так говорят. По крайней мере, не старик какой-нибудь.

– Нет, Артас, ты не понимаешь. Мне безразлично, все равно, что у него за связи, насколько он хорош собой, и даже насколько добр. Дело в том, что меня никто ни о чем не спрашивает. Я... я – все равно, что твой конь. Не человек, а вещь. Которой отец распорядится, как пожелает. Захочет – и отдаст в чужие руки ради каких-то политических выгод.

– Так ты... так ты не любишь Престора?

– Люблю?! – Синие, пронизанные кровавыми жилками глаза сестры сузились от злости. – Да я его почти не знаю! Он даже ни словом не... а, да что толку? Уж так заведено у королей и знати. Мы – просто пешки. Я просто не ожидала, что отец...

Да, Артас этого тоже не ожидал. Сказать по правде, он вообще как-то не задумывался ни о собственной женитьбе, ни о замужестве сестры: упражняться с Мурадином или скакать на Непобедимом куда как интереснее! Однако Калия была права: браки по расчету, из политических соображений, среди высшей знати – дело вполне обычное...

Вот только он никогда не думал, что его отец сможет продать родную дочь, как... как племенную кобылу.

– Кали, мне очень жаль, – ничуть не кривя душой, сказал он. – Может, у тебя есть на примете кто-то другой? Может, отца еще удастся убедить, что твой выбор выгоднее, а заодно и ты будешь счастлива?

Калия горько покачала головой.

– Нет. Все это без толку. Ты же сам слышал. Он ни о чем не спрашивал, не предлагал лорда Престора мне в женихи – он просто отдал приказ.

Артас молчал. Что тут еще можно сказать?

– Артас, – внезапно заговорила Калия, с мольбой глядя на брата, – обещай... Обещай, что, когда сам станешь королем, не сделаешь того же с собственными детьми!

Собственные дети? Вот уж о чем Артас и не помышлял! У него не было даже... ну, если честно, была, однако он никогда в жизни не думал о ней, как о...

– А когда ты женишься – ведь тебе папа не сможет приказывать, как мне... Женись на той, кто тебе нравится, и убедись, что тоже нравишься ей. Или – что ее хотя бы спросили, хочется ли ей разделить с тобой жизнь... и п-постель.

Тут Калия вновь ударилась в слезы, но Артас был слишком потрясен внезапно свалившимся на голову откровением. Да, сейчас ему только четырнадцать, но совсем скоро, спустя каких-то четыре года, он станет совершеннолетним и тоже должен будет жениться... Внезапно ему вспомнились подслушанные то там, то сям обрывки разговоров о будущем династии Менетиллов. Его жене предстоит стать матерью королей! Придется выбирать с осмотрительностью, но и, как просит Калия, не забывать о душе. Вот родители вправду очень привязаны друг к другу: несмотря на многие годы брака, это явственно отражается в каждой их улыбке и в каждом жесте. Пожалуй, того же самого хотелось бы и Артасу. Ему нужна надежная спутница жизни, близкая подруга и...

Но что, если это будет невозможно?

Артас слегка сдвинул брови.

– Прости, Кали, но, может, это как раз тебе повезло? Иметь свободу выбора, но знать, что не можешь выбрать, кого хочешь – разве это не хуже?

– По-моему, это намного лучше, чем в один миг превратиться в... в кусок мяса.

– Наверное, у каждого из нас свой долг, – тихо, серьезно сказал Артас. – Твой – выйти за того, на кого укажет отец, а мой – жениться на благо всего королевства. Прости, Кали...

Он резко поднялся на ноги.

– Артас... Артас, куда ты?

Ничего не ответив, Артас поспешно, едва ли не бегом, покинул дворец, направился в конюшни и быстро, не дожидаясь конюха, заседлал Непобедимого. Он понимал: это решит дело только на время, однако ему было всего четырнадцать, а временное решение – лучше, чем никакого.

Артас низко пригнулся к холке коня. Белая грива хлестала по щекам, и мальчик невольно улыбнулся. Непобедимый, грациозно играя упругими мускулами, галопом несся вперед. Ничто на свете не доставляло Артасу большей радости, чем вот такие поездки – бешеная, неукротимая скачка, во время коей сливаешься с конем в единое прекрасное целое. Он долго, мучительно долго ждал того дня, когда сможет проехаться на скакуне, которого знал с первых минут его появления на свет, но дело вполне того стоило. Они стали превосходной парой. Непобедимый ничего не хотел, ни о чем не просил. Казалось, желает он лишь одного – позволения вырваться из тесных границ королевских конюшен, совсем как Артас все время жаждал высвободиться из оков королевского достоинства, вот оба и праздновали свободу вместе.

Тем самым стремительным аллюром, что так любил Артас, они устремились вверх. Здесь, невдалеке от усадьбы Балнира, к востоку от столицы тянулась кучка холмов. Непобедимый мчался, словно бы пожирая простор грохочущими копытами, несся вверх по кручам, точно по ровной земле. Почти не замедляя шага, петлял он по узким извилистым тропам – только камни брызгали из-под копыт, да трепетали в восторге сердца коня и всадника. Вскоре Артас направил скакуна налево, к невысокому валу, срезая путь к владениям Балниров. Непобедимый и тут не оплошал, не замешкался, как не замешкался даже в тот день, когда Артас впервые велел – нет, попросил его прыгнуть. Он подобрался, стрелой рванулся вперед; с замедлением сердца конь и всадник на миг взмыли в воздух, пронеслись над валом, благополучно приземлились в мягкую упругую траву и вновь понеслись вдаль.

Непобедимые.

Глава четвертая

– Как видите, ваше высочество, – заговорил генерал-лейтенант Эделас Блэкмур, – налоги расходуются не зря. В лагере тщательно соблюдаются все меры предосторожности. Скажу больше: безопасность у нас на такой высоте, что мы смогли даже устроить здесь гладиаторские бои.

– Наслышан, наслышан, – откликнулся Артас, осматривая вверенную управляющему лагерями для военнопленных крепость.

Крепость Дарнхольд – сама по себе не лагерь, но центр, нервный узел всей сети лагерей – была огромна, и дух в ней, действительно, царил едва ли не праздничный. Осенний день выдался прохладным, но ясным; синие с белым флаги, развевавшиеся над крепостью, громко, энергично хлопали на ветру. Ветер играл длинными, черными, как вороново крыло, волосами Блэкмура и яростно трепал полы плаща Артаса, в то время как оба, принц и генерал-лейтенант, неторопливо шли вдоль зубцов крепостной стены.

– И непременно увидите сами, – пообещал Блэкмур, одарив принца заискивающей улыбкой.

Идея внезапной инспекции принадлежала Артасу. Услышав о ней, Теренас рассыпался в похвалах инициативе и милосердию сына.

– Но как же иначе, отец, – сказал Артас. Говорил он вполне искренне, хотя главной причиной, натолкнувшей его на эту мысль, послужило любопытство, желание взглянуть на ручного орка генерал-лейтенанта. – Должны же мы убедиться, что отпущенные деньги идут на лагерь, а не в карман Блэкмура. А заодно проверим, хорошо ли он заботится о своих гладиаторах и не решил ли пойти по скользкой дорожке отца.

Отец Блэкмура, генерал Эделин Блэкмур, был известным изменником, пойманным на попытке продажи государственных тайн. Да, свои преступления он вершил давным-давно, когда сын его был еще мальчишкой, однако дурная слава отца преследовала Эделаса на протяжении всей его военной карьеры. Только множество выигранных битв да особая ярость в боях с орками и помогли Блэкмуру-младшему дослужиться до столь высоких чинов. Однако Артас явственно чуял исходящий от него запах спиртного – и это с самого утра. Скорее всего, сей факт не окажется для Теренаса новостью, но все же Артас обязательно известит отца и о нем.

Словно бы заинтересовавшись видом дюжины стражников, застывших по стойке «смирно» и бдительно несших караул, Артас взглянул вниз. Достойна ли их бдительность таких же похвал, когда рядом нет будущего короля?

– Я с нетерпением жду сегодняшних схваток, – сказал он. – Удастся ли мне увидеть вашего Тралла в деле? Я многое слышал о нем.

Блэкмур заулыбался, оскалив белые зубы в обрамлении аккуратной бородки.

– В программе его сегодня нет, но ради вас, ваше высочество, я выставлю Тралла против самых достойных из имеющихся бойцов.

Спустя два часа обход был завершен, и Артаса ждал роскошный обед в компании Блэкмура и молодого человека по имени лорд Каррамин Лангстон, отрекомендованного Блэкмуром

как «мой юный протеже». Присмотрев мягкость рук и томные манеры юноши, Артас тут же проникся к нему инстинктивной неприязнью. Блэкмур – тот хотя бы завоевал свой титул в бою, а этот мальчишка (да, мысленно Артас назвал его именно так, хотя на самом деле Лангстон был старше семнадцатилетнего принца), получил все на золотом блюде.

«Впрочем, и я тоже», – подумал Артас. Однако ему-то было прекрасно известно, сколь многим приходится жертвовать королям, а вот Лангстон, похоже, в жизни ни в чем себе не отказывал. Не отказывал он себе ни в чем и теперь, прибирая к рукам самые сочные ломти мяса и самые пышные пирожные и запивая все это не одним бокалом вина. Блэкмур, напротив, ел умеренно, но выпил много больше Лангстона.

Неприязнь к ним обоим достигла высшей точки, когда в обеденный зал вошла служанка и Блэкмур по-хозяйски протянул к ней руку. Служанка – светловолосая, в простом платье, красивая той природной красотой, что не нуждается ни в каких ухищрениях – улыбнулась, словно бы от удовольствия, однако от Артаса не укрылось усталое отвращение, мелькнувшее в ее синих глазах.

– Это Тарета Фокстон, – сказал Блэкмур, продолжая гладить плечо девушки, пока та собирала тарелки. – Дочь Таммиса Фокстона, моего личного лакея – его вы наверняка увидите позже.

Артас одарил девушку обаятельнейшей из улыбок. Загар, волосы, выгоревшие на солнце – всем этим она слегка напоминала Джайну. Служанка мимолетно улыбнулась в ответ, стыдливо отвела взгляд, собрала пустые тарелки, быстро поклонилась и ушла.

– Скоро подобная будет и у вас, – со смехом сказал Блэкмур.

Не сразу сообразив, о чем речь, Артас изумленно заморгал. Блэкмур с Лангстоном захотали громче прежнего, и генерал-лейтенант поднял кубок.

– За светловолосых девиц! – промурлыкал он.

Оглянувшись вслед Тарете и вспомнив о Джайне, Артас заставил себя тоже поднять бокал.

Однако часом позже Артас совершенно забыл и о Тарете, и о своем возмущении поведением Блэкмура. В горле саднило от крика, от аплодисментов болели ладони... да, так он не развлекался еще никогда в жизни!

Поначалу ему сделалось немного не по себе. Первыми на арену выпустили, стравив их друг с другом, всего-навсего несколько пар зверей. Звери дрались насмерть – без всяких на то причин, только ради потехи зевак.

– Как обращаются с ними до всего этого? – спросил Артас. Животных принц любил, и жестокостью зрелища был не на шутку расстроен.

Лангстон открыл было рот, но Блэкмур поспешил поднять руку, веля ему помолчать, с улыбкой развалился в складном кресле и отщипнул от виноградной грозди несколько ягод.

– Конечно же, нам требуется, чтоб звери пребывали на пике бойцовой формы, – сказал он. – Поэтому их ловят бережно и обращаются с ними наилучшим образом. И схватки, как видите, заканчиваются быстро. А если животное выживет, но продолжать драться не может, его тут же приканчивают, избавляя от лишних мук.

Оставалось надеяться, что Блэкмур говорит правду. Легкая тошнота в желудке подсказывала, что он, скорее всего, лжет, но Артас оставил ее без внимания. Тем более, что ощущение мигом прошло, когда на арену против зверей вышли люди. Тут принц уставился на арену, не отрывая глаз.

– А людям хорошо платят, – заметил Блэкмур. – Мало этого, они, можно сказать, становятся знаменитостями.

Однако орк платы не получал; Артас знал это и вполне одобрял. Его-то он и дожидался – ждал шанса увидеть ручного орка Блэкмура, найденного еще младенцем и возвращенного специально для арены, в бою.

И ждал не напрасно. Очевидно, все предыдущее служило только затравкой, устраивалось лишь для разогрева толпы. Когда двери со скрипом поднялись и на арену выступила исполинская зеленая фигура, все вокруг повскакали с мест и взревели. Удивительно, но вместе с остальными вскочил на ноги даже сам Артас.

Тралл был огромен, а с виду – по сравнению с пленными орками в лагерях, не отличавшимся столь же отменным здоровьем и бодростью духа – и вовсе казался настоящим исполином. Вдобавок, он и держался куда прямее. Без шлема, почти без доспехов, он вышел в круг, поигрывая могучими мускулами, туго обтянутыми зеленой кожей. Под оглушительный рев зрителей он вскинул кулаки над головой и двинулся в обход арены, подставив жуткую морду под дождь из розовых лепестков, обычно устраиваемый только по праздникам.

– Этому его научил я, – с гордостью сказал Блэкмур. – Странное, надо заметить, дело: толпа приветствует его, но всякий раз надеется на его поражение.

– А он хотя бы раз проигрывал схватку?

– Ни разу, ваше высочество. И в будущем не проиграет ни одной. Но люди не теряют надежды, так что деньги текут к нам рекой.

Артас устремил на генерал-лейтенанта холодный взгляд.

– Пока королевская казна получает положенную долю от ваших выигрышей, вам, генерал-лейтенант, будет позволено продолжать эти игры.

Вновь повернувшись к арене, он еще раз взглянул на завершавшего круг орка.

– Не вздумается ли ему... выйти из повиновения?

– Ни за что, – поспешно ответил Блэкмур. – Он воспитан нами в страхе и почтении к людям.

Словно услышав его замечание сквозь громоподобные вопли, хотя это, разумеется, было совершенно невозможно, Тралл повернулся к креслам Артаса, Блэкмура и Лангстона, гулко ударил кулаком в грудь и склонился в глубоком поклоне.

– Вот видите? Он мой всей душой и телом, – промурлыкал Блэкмур.

Поднявшись на ноги, он взмахнул флагом. Крепко сложенный рыжеволосый человек по ту сторону арены тоже вскинул вверх флаг и взмахнул им. Тралл повернулся к дверям и поудобнее перехватил оружие – громадный боевой топор.

Стражники вновь начали поднимать створку дверей. Еще до того, как проход полностью отворился, на арену стремительно выбежал медведь, да какой – не меньше Непобедимого! Рык зверя был слышен даже сквозь рев толпы. Вздвбив шерсть на загривке, он, точно выпущенный из пушки, рванулся к Траллу.

Тралл даже не дрогнул. В последний миг шагнув в сторону, он взмахнул огромным топором, словно тот ничего не весил. Топор глубоко рассек бок медведя. Зверь заревел от боли и развернулся, обрызгав кровью песок. Орк вновь замер на месте, слегка покачиваясь на пятках босых ног, и вдруг, с проворством, совершенно не соответствующим величине, рванулся медведю навстречу. Осыпая зверя гортанными насмешками на великолепном Всеобщем, он снова взмахнул топором и обрушил его на врага. Хрустнула кость, медвежья голова едва не отделилась от туловища, но зверь еще миг-другой продолжал бежать и только после этого дрожащей бесформенной грудой рухнул на песок арены.

Тралл запрокинул голову и издал громкий победный клич. Толпа обезумела. Один Артас молчал, глядя на орка во все глаза.

– И это только начало, – улыбнулся Блэкмур, видя его удивление. – В следующем бою он сойдется с тремя людьми. Вдобавок, ему будет приказано не убивать их, но лишь одолеть.

Тут уж одной грубой силы мало, тут необходима стратегия! Хотя, признаться, увидев, как он одним ударом обезглавил медведя, я испытал немалую гордость.

На арену выступили трое гладиаторов-людей. Все как на подбор огромные, мускулистые, они отсалютовали противнику и зрителям. Глядя, как Тралл присматривается к ним, Артас невольно задумался: разумно ли было со стороны Блэкмура растить из своего ручного орка такого грозного бойца? Ведь если Тралл в один прекрасный день сбежит, то сможет обучить тому же других орков!

Да, несмотря на усиленные меры охраны, исключать подобного исхода не стоило. В конце концов, если Оргрим Молот Рока сумел устроить побег из Подгорода, из самого сердца подземелий дворца, то и Тралл вполне может сбежать из Дарнхольда.

* * *

Официальный визит продолжался пять дней. В один из них, поздним вечером, в покои принца явилась Тарета Фокстон. Удивленный тем, что его слуги не отвечают на нерешительный стук в дверь, он удивился еще сильнее, увидев на пороге миловидную светловолосую девушку с подносом различных вкусных вещей в руках. Девушка скромно потупилась, однако платье ее было столь откровенным, что принц ненадолго лишился дара речи.

Под его взглядом она склонилась в реверансе и, покраснев, сказала:

– Милорд Блэкмур прислал меня к вам с предложением кое-чего соблазнительного.

Артас был смущен.

– Я... передайте хозяину мою благодарность, но я не голоден. Да, и куда могли подеваться мои слуги?

– Они приглашены на ужин с другими слугами, – пояснила Тарета, не поднимая глаз.

– Понимаю. Что ж, со стороны генерал-лейтенанта это очень любезно. Уверен, мои люди оценят его доброту по достоинству.

Но девушка не двинулась с места.

– Что-то еще, Тарета?

Девушка покраснела сильнее прежнего и подняла на принца спокойный, безропотный взгляд.

– Милорд Блэкмур прислал меня к вам с предложением кое-чего соблазнительного, – повторила она. – Возможно, вам это понравится.

Тут Артас разом понял, в чем дело. Понимание сменилось смущением, смущение – раздражением, а раздражение – гневом. Сдержаться стоило немало труда, однако девушку вряд ли стоило в чем-то винить – напротив, ведь это с ней обошлись дурно.

– Тарета, – заговорил он, – еду я приму с благодарностью, но больше мне ничего не нужно.

– Боюсь, ваше высочество, он будет настаивать.

– Передайте ему: я вполне доволен.

– Сэр, вы не понимаете. Если я вернусь назад, он...

Взглянув на запястья державших поднос рук, на длинные волосы, прикрывавшие шею и грудь, Артас шагнул вперед, отодвинул светлую прядь и гневно нахмурил брови. И запястья, и горло служанки были украшены слегка поблекшими, изжелта-синими отметинами кровоподтеков.

– Понятно, – протянул он. – Ну что ж, тогда входи.

Впустив девушку в комнату, он плотно прикрыл за ней дверь.

– Оставайся здесь сколько потребуется, а потом возвращайся к нему. Ну, а тем временем... мне одному все это съесть не по силам.

Указав ей на кресло, он сел напротив, подцепил с подноса небольшое пирожное и широко улыбнулся.

Не сразу поняв смысл его слов, Тарета недоуменно заморгала, но в следующий же миг взгляд девушки исполнился сдержанного облегчения и благодарности. Она разлила по бокалам вино и вскоре начала отвечать на вопросы принца не только парой учтивых слов. Проведя за разговором около пары часов, оба решили, что теперь ей пора возвращаться.

– Ваше высочество, – сказала Тарета, прихватив со стола поднос, – как же я рада видеть, что у того, кто со временем станет нашим королем, такое доброе сердце! Вот посчастливится же той леди, которую вы выберете себе в королевы!

Улыбнувшись, Артас закрыл за ней дверь и на миг прислонился спиной к косяку.

Леди, которую он выберет себе в королевы... Все это снова напомнило принцу о давнем разговоре с Калией. К счастью для сестры, Теренас проникся к Престору некоторыми подозрениями – нет, ничего такого, что можно доказать, однако довольно, чтоб призадуматься.

Артас почти достиг совершеннолетия – сейчас ему было на год больше, чем Калии в то время, когда отец едва не обручил ее с Престором. Пожалуй, рано или поздно и ему придется начинать думать о поисках королевы.

Что же до Блэкмура... завтра он уезжает – и как раз вовремя.

В воздухе веяло зимним холодом. Славные осенние деньки миновали; деревья, еще недавно одетые в пурпур и золото, превратились в голые черные остовы на фоне серого неба. Еще несколько месяцев – и Артасу пойдет девятнадцатый год, его посвятят в орден Серебряной Длани... К посвящению он был вполне готов. Упражнения с Мурадином месяца три назад прекратились: теперь за его обучение взялся Утер. Его наука оказалась иной, хотя и очень похожей. Мурадин воспитывал в принце внимательность и стремление выиграть бой, чего бы это ни стоило. Паладины же видели в бое своего рода ритуал, уделяя куда больше внимания настроению, мировоззрению, с которым воин идет в битву, чем самой технике работы оружием. На взгляд Артаса, оба подхода были вполне действенны, хотя порой он начинал сомневаться: а выпадет ли ему когда-нибудь случай воспользоваться тем, что усвоил, в настоящем бою?

В любой другой день он был бы сейчас на молитве, однако отец отправился с официальным визитом в Штормград, а Утер уехал с ним. Все это значило, что несколько дней после обеда Артас свободен, и принц вовсе не собирался тратить свободное время впустую, пусть даже погода от совершенства далека. Вольно, привычно пригнувшись к холке Непобедимого, он мчался галопом вдоль лесной просеки; пара дюймов снега на земле лишь слегка замедляла шаг скакуна.

Огромный белый конь вскинул голову и громко фыркнул, выпустив из ноздрей клубы пара, тут же смешавшиеся со стружкой пара изо рта всадника. Все бы хорошо, вот только с неба вновь повалил снег – да не пухлые мягкие хлопья, лениво оседающие на землю, но острые мелкие льдинки, чувствительно жалящие щеки. Артас поморщился, однако даже не подумал отступать. «Еще немного, – сказал он самому себе, – а уж тогда и назад». А еще лучше – завернуть в гости к Балнирам. Давненько он к ним не заглядывал, а Джоруму с Джаримом наверняка будет интересно взглянуть, в какого великолепного коня превратился тот нескладный жеребенок!

Возникшая мысль настойчиво требовала повиновения, и Артас шевельнул левой ногой, слегка коснувшись шенкелем бока Непобедимого. Послушный, готовый исполнить любое желание хозяина, конь повернул направо. Снег валил все сильнее и сильнее, сотнями крохотных игл впиваясь в обнаженную кожу, и Артас, чтоб хоть немного укрыться от них, натянул на голову капюшон плаща. Непобедимый встряхнул головой, шкура его задергалась, словно летом, от укусов назойливых мух. Вытянув шею, он несся по тропинке галопом, радуясь быстрой скачке не меньше самого Артаса.

Путь пошел в горку. От холода лицо мало-помалу немело, да и руки в тонких кожаных перчатках чувствовали себя немногим лучше. Ничего. Вскоре коня ждет теплое стойло, а

всадника – чашка горячего чая, а после пора и назад, во дворец... С усилием стиснув в озябших, негнущихся пальцах поводья, Артас подобрался, еще ниже пригнулся к шее коня. Сейчас Непобедимый прыгнет... нет, не прыгнет – взмоет в воздух над валом и полетит, полетит...

Вот только полета не вышло. В последний миг Артас с внезапным ужасом почувствовал, что задние копыта Непобедимого скользят по обледенелому камню. Конь покачнулся, заржал, отчаянно взбрыкнул копытами в бесплодной попытке обрести опору. В горле Артаса запершило от собственного вопля: навстречу с убийственной скоростью несутся... нет, не мягкий снег, укрывавший траву – острый иззубренный камень! Артас изо всех сил, словно это могло хоть как-то помочь, словно тут хоть что-то на свете могло бы помочь, натянул поводья, и...

Из забытья его вывело конское ржание – резкий, пронзительный визг, крик боли, когтем впившийся в мозг. Артас с усилием открыл глаза и заморгал, приходя в чувство. Казалось, он не в состоянии даже шевельнуться, но тело само по себе напряглось, задергалось, стремясь туда, на этот ужасающий крик. Наконец Артасу удалось сесть. Все тело тут же пронзило болью, и в жуткую какофонию муки вплелся жалобный стон самого принца. Похоже, ребро сломал... а то и не одно.

Снег валил все сильнее и сильнее. Началась настоящая вьюга, да такая, что в трех футах ничего не разглядеть. Превозмогая боль, Артас огляделся в поисках...

Непобедимый. Почувяв движение, он встрепенулся и покосился на хозяина. Вокруг тела коня расплывалась, въедаясь в тающий снег, курилась на холоде паром огромная алая лужа.

– Нет, – прошептал Артас, с трудом поднимаясь на ноги.

В глазах потемнело, и принц вновь едва не лишился сознания, но, собрав волю в кулак, сумел остаться в себе. Нетвердо ступая, преодолевая боль, метель и ветер, грозивший вот-вот сбить с ног, он двинулся к охваченному паникой коню.

Непобедимый заворочался, забился в каше из крови и снега. Сильные, мощные задние ноги ничуть не пострадали, но вот передние... Еще недавно такие длинные, стройные, мускулистые, без единого пятнышка, они торчали в стороны, точно надломленные прутья, а конь раз за разом пытался подняться, но тут же снова беспомощно оседал на землю. При виде этого к горлу подступила тошнота, но в следующий же миг ужасная картина помутнела, расплылась, скрылась под пеленой снега да горячих, обжигающих щеки слез.

В слезах, с трудом передвигая ноги, Артас подошел к Непобедимому, рухнул на колени рядом с обезумевшим от боли конем и... И что? Это же не царапина, которую можно быстро перевязать, отвести Непобедимого в конюшни и накормить теплой запаркой из отрубей! Артас потянулся к голове коня, чтобы погладить его, хоть чуточку успокоить, но Непобедимый словно не чувствовал ничего, кроме нестерпимой муки. И продолжал кричать.

За помощью? Жрецы, сэр Утер – может, они сумеют исцелить...

Сердце пронзило болью, заставившей разом забыть о страданиях тела. Ведь епископ, как и Утер, вместе с отцом уехал в Штормград! Возможно, в одной из соседних деревень есть жрец, но в какой? Этого Артас не знал. Да еще эта метель!

Отпрянув от Непобедимого, Артас заткнул уши, крепко зажмурил глаза и зарыдал, сотрясаясь всем телом. В такую метель... Пока он отыщет целителя, Непобедимый истечет кровью или замерзнет насмерть. Пожалуй, сейчас ему не найти даже усадьбы Балнира, хотя до нее совсем близко. Густая белая пелена укрыла собою весь мир, кроме умирающего коня. Он доверял хозяину настолько, что, не задумываясь, прыгнул через обледенелый вал, и вот теперь лежит, бьется в исходящей паром алой крови...

Да, Артас знал, что должен сделать, но сделать этого не мог.

Долго сидел он в снегу, обливаясь слезами, закрыв глаза, зажав уши, чтобы не видеть мук любимого коня, чтоб заглушить его крики, но наконец Непобедимый выбился из сил, умолк и грузно осел на снег. Бока его тяжело вздымались, глаза закатились под лоб.

От холода Артас уже не чувствовал ни рук, ни ног, однако каким-то чудом сумел снова придвинуться к коню. Каждый вздох болью отдавался в груди, но принц был этому рад. Ведь это из-за него... Это его вина... Уложив огромную голову коня на колени, он словно бы на минуту оказался не здесь, в снегу, рядом с раненым другом, а в конюшне Балниров в то самое время, как их племенная кобыла рожала на свет жеребенка. В то время, когда все еще только начиналось, а вовсе не подошло к столь жуткому, столь отвратительному, и, главное, совсем не неизбежному концу.

Слеза его упала на широкую конскую щеку. Непобедимый встрепенулся и широко раскрыл карие глаза, исполненные безмолвной муки. Сдернув перчатки, Артас погладил его бархатистые розовато-серые ноздри. Ладонь обдало прерывистым горячим дыханием. Осторожно сняв голову Непобедимого с коленей, он поднялся и нащупал отогревшимися пальцами рукоять меча. Ноги тонули, вязли в талом снегу пополам с кровью.

– Прости, – сказал он. – Прости.

Непобедимый поднял на друга спокойный, доверчивый взгляд. Казалось, он прекрасно понимает, что вот-вот произойдет, и знает: другого выхода нет. Этого Артас вынести не мог. В глазах вновь помутилось, но принц яростно заморгал, гоня слезы прочь.

Подняв меч, он с силой вонзил его в конскую грудь.

Вопреки опасениям, окоченевшие от холода руки не подвели: удар оказался верен. Легко пройдя сквозь шкуру и плоть, клинок скрежетнул о кость, насквозь пробил огромное, доброе, верное сердце коня и глубоко ушел в стылую землю. Непобедимый выгнулся дугой, содрогнулся всем телом и замер.

Вскоре после того, как метель стихла, к Артасу, сжавшемуся в комок у остывающего тела еще недавно великолепного, полного жизни и сил жеребца, подошли Джорум с Джаримом. Балнир-старший склонился над принцем, чтобы поднять его, и Артас вскрикнул от боли.

– Больно? Прости, парень, – с невыносимым сочувствием охнул Джорум. – Вот горе-то... Как же это случилось?

– Случилось, – едва шевеля губами, ответил Артас. – Он поскользнулся и...

– И неудивительно – в такую-то погоду! Пурга налетела так быстро... Счастье еще, что сам ты жив. Давай-ка отведем тебя к нам, а там я пошлю кого-нибудь во дворец.

– Вы похороните его... здесь? – спросил Артас, высвобождая плечо из крепких пальцев Джорума. – Чтобы я мог... навещать его?

Переглянувшись с сыном, Балнир кивнул.

– Да-да, конечно. Благородный был конь...

Увлекаемый вперед, Артас в последний раз оглянулся на тело коня, нареченного им Непобедимым. Рассказать кому-либо правду было бы выше его сил. Что ж, пусть все считают, будто Непобедимый погиб из-за нелепой случайности. А он, Артас, на этом самом месте поклянется: если кто-нибудь будет нуждаться в защите, если благо других потребует жертв – он сделает все, что нужно.

Сделает. Чего бы это ни стоило.

Глава пятая

Лето было в полном разгаре. Солнце нещадно палило, словно твердо решило испепелить его королевское высочество принца Артаса Менетила, ехавшего по улицам Штормграда. Несмотря на то, что этого дня он, казалось бы, должен был с нетерпением ждать всю свою жизнь, принц пребывал в самом скверном расположении духа. Полный латный доспех раскалился под солнцем так, что Артас всерьез опасался испечься в нем заживо, прежде чем доберется до собора. Немалой силы, прекрасной выучки, благородных кровей конь под седлом только напоминал о горькой тоске по Непобедимому, погибшему всего несколько месяцев тому назад. Да еще все, что ему полагалось делать после начала церемонии, как назло, начисто стерлось из памяти...

Но ехавший рядом отец, похоже, даже не подозревал о раздражении сына.

– Долго же ждали мы этого дня, сын мой, – сказал Теренас, с улыбкой повернувшись к Артасу.

В эту минуту Артас вряд ли сумел бы убедительно изобразить ответную улыбку и потому, несмотря на жару, обрадовался своему тяжелому закрытому шлему, несмотря на жару.

– Так и есть, отец, – отвечал он, стараясь говорить спокойным голосом.

То был один из величайших праздников, какие когда-либо видел Штормград. Кроме Теренаса, его почтили вниманием немало других королей, не говоря уж о знати и прочих известных персонах, ехавших по белоснежным штормградским мостовым, точно на параде. Процессия направлялась к громаде Собора Света, пострадавшего в дни Первой Войны, но ныне отстроенного заново – еще великолепнее прежнего.

Вариан, король Штормграда и Артасов друг детства, уже был женат и недавно стал отцом. Он широко распахнул двери дворца для всех приезжих монархов со свитой. Прошлая ночь, проведенная Артасом в его обществе, за разговорами и кувшином хмельного меда, пока что казалась принцу самой яркой страницей всей этой поездки. За десять минувших лет измученный, убитый горем мальчишка вырос в уверенного в себе, красивого с виду, невозмутимого короля. Ближе к утру – по крайней мере, после полуночи, однако ж до рассвета – они отправились в оружейную, взяли в руки деревянные учебные мечи и долго бились друг с другом, хохоча и наперебой вспоминая прошлое. Если выпитый мед и сказался на их мастерстве, то разве что самую малость. Обучавшийся бою с самого детства, Вариан и раньше прекрасно владел мечом, а теперь стал настоящим бойцом, однако Артас с тех пор тоже не сидел без дела и старому другу не уступал.

Но все это было вчера, а сегодня... Сплошные формальности, раскаленные латы, да неотвязное ощущение, будто он недостойн оказанной ему чести.

Улучив момент, Артас поделился своими чувствами с Утером. Ответ грозного паладина, являвшего собой образец непреклонного, твердокаменного поборника Света с тех самых пор, как Артас себя помнил, потряс принца до глубины души.

– Эх, парень, все чувствуют, будто не готовы. Все чувствуют, будто не заслужили. А знаешь, почему? Потому, что так оно и есть. Не честь тебе оказана, а милосердие – милосердие

чистой воды. Все мы в душе недостойны, просто потому, что все мы – люди, а ни одно живое существо – да-да, ни эльфы, ни дворфы, ни все остальные – не лишены изъянов. Однако Свет все равно любит нас. Любит за те высоты, каких мы изредка достигаем. За то, чем можем помочь другим. А еще – за то, что мы помогаем ему нести в мир свою истину, день ото дня стараясь стать достойными, хоть и понимаем: на самом деле этого не достичь.

С этими словами он хлопнул Артаса по плечу и улыбнулся ему, что делал крайне редко.

– Так встань же там сегодня, как встал когда-то и я, чувствуй, что недостойн и никогда не станешь достойным этой чести, и знай: на твоём месте довелось побывать каждому из нас. Всем до единого.

Это слегка утешало.

Расправив плечи, Артас поднял забрало, улыбнулся и помахал толпе, что, несмотря на жару, приветствовала его радостными возгласами. Сверху на него сыпались лепестки роз, где-то неподалеку громко заревели трубы. Что ж, вот и собор. Здесь Артас спешился, и подбежавший конюх увел его боевого коня, а еще один слуга принял из рук снятый шлем. Золотистые волосы принца взмокли от пота, и он поспешно пригладил их латной рукавицей.

Никогда прежде не бывавший в Штормграде, Артас был впечатлен источаемыми собором безмятежностью и мощью. Медленно, радуясь внезапной прохладе внутри могучих каменных стен, он двинулся наверх по резным ступеням, устланном ковровой дорожкой. Знакомый аромат благовонных курений навевал покой: те же самые благовония курились и в их маленькой семейной часовне.

Вокруг больше не было ликующих толп – только безмолвные, почтительные ряды видных персон и священников. Некоторых Артас узнал: Генн Седогрив, Торас Троллебой, адмирал Дэлин Праудмур...

Артас моргнул и невольно заулыбался. Джайна! Как она выросла за годы, минувшие с их последней встречи! Не то, чтоб сногшибательно похорошела, но стала очень мила, а главное – до сих пор лучилась все тем же умом и весельем, что так привлекли его в детстве. Встретившись с Артасом взглядом, она слегка улыбнулась в ответ и почтительно склонила голову.

Чувствуя, что сердце трепещет чуточку меньше прежнего, Артас вновь повернулся к алтарю впереди. Возможно, им еще выпадет случай поговорить, когда со всеми формальностями будет покончено.

У алтаря Артаса ждал архиепископ Алонсий Фаол. Напоминал он, скорее, Дедушку Зиму, чем кого-либо из правителей, которых Артасу доводилось встречать до сих пор. Невысокого роста, коренастый, ясноглазый, с длинной, окладистой белоснежной бородой, Фаол даже в этот момент, посреди торжественной церемонии, просто-таки лучился сердечностью и добротой. Дождавшись, когда Артас подойдет к нему и почтительно преклонит колено, он открыл огромную книгу и заговорил:

– Сегодня мы собрались в сей обители Света, дабы принять в ряды свои нового брата. Милостью Света да будет он вновь сотворен. Волею Света – да понесет просвещение людям. Силою Света – да одолеет мрак. Мудростью Света – да поведет братьев своих к райскому всеблаженству.

Слева замерли в величавых позах с десятков мужчин и несколько женщин. Одни едва ли не завораживающе покачивали кадильницами, другие держали в руках огромные свечи, а один – украшенную вышивкой синюю столу. Многих из них представили Артасу загодя, однако имена каким-то непостижимым образом начисто выветрились из головы. Это было совсем не в его духе: искренне равнодушный к тем, кто трудился на него или служил под его началом, он почитал долгом помнить по имени каждого.

Архиепископ Фаол призвал священников благословить Артаса. Священники воздели руки к небу, а тот, что держал в руках синюю столу, выступил вперед, возложил ее на плечи принца и смазал чело его святым миром.

– Милостью Света да будут исцелены твои братья, – сказал он.

Фаол обратился к стоящим от Артаса справа:

– Рыцари Серебряной Длани! Если и вы считаете сего человека достойным, даруйте ему свое благословение!

В отличие от первой группы, этих людей в тяжелых, сверкающих латных доспехах, торжественно стоявших навтыжку близ алтаря, Артас помнил – всех до единого. То были первые паладины Серебряной Длани, собравшиеся вместе впервые за многие годы после собственного посвящения в орден. Разумеется, был здесь и Утер, и нынешний губернатор Дольного Очага, состарившийся, но не утративший ни грации, ни мощи Тирион Фордринг, и Сайдан Датрохан – настоящий гигант шести с половиной футов ростом, и пышнобородый праведник Гавинрад. Не хватало одного лишь Туралиона, правой руки Андуина Лотара во время Второй Войны, пропавшего без вести вместе с отрядом, вошедшим в Темный Портал, когда Артасу было всего двенадцать.

Из строя выступил Гавинрад с огромным, невероятно тяжелым с виду молотом – серебряная боевая часть украшена рунами, прочное древко оплетено синей кожей. Положив молот перед Артасом, он отошел назад и вновь вернулся в строй. За ним вперед вышел сам Утер Светоносный, орденский наставник Артаса, с парой парадных латных наплечников. Человека сдержаннее, чем Утер, Артас не мог себе и вообразить, однако, когда тот возложил наплечники на широкие плечи принца, в уголках его глаз блеснули слезинки.

– Силою Света, – звучным, и все же едва не дрожащим от чувств голосом сказал он, – да расточатся враги твои.

На миг задержав руку на плече Артаса, он тоже вернулся в строй.

Архиепископ Фаол сердечно улыбнулся принцу. Артас ответил ему ровным, спокойным взглядом. Тревожиться было не о чем: теперь он вспомнил все.

– Восстань же и будь нами признан, – провозгласил Фаол.

Артас повиновался.

– Клянешься ли ты, Артас Менетил, неуклонно блюсти честь и законы ордена Серебряной Длани?

Артас моргнул, мимолетно удивившись отсутствию титула, но тут же подумал: «Ну да, конечно! Меня же посвящают в орден как человека, а не как принца».

– Клянусь.

– Клянешься ли следовать путем милости Света и нести его мудрость ближним?

– Клянусь.

– Клянешься ли истреблять зло, где ни встретишь его, и защищать невинных, не щадя собственной жизни?

– Кля... Кровью и честью своею – клянусь.

Ну вот! Стоило успокоиться – и чуть не оплошал!

Фаол ободряюще подмигнул принцу и обратился к собравшимся священникам и паладинам:

– Братья и сестры – вы, что были сему свидетелями! Возденьте же длани, и да снизойдет на этого человека Свет!

Священники и паладины подняли правые руки, на сей раз окруженные неярким золотистым сиянием, и простерли их в сторону Артаса, направляя сияние на него. Глаза Артаса округлились от изумления. Сейчас и его окутает, озарит величавый золотой ореол!

Однако время шло, шло... шло... а ничего не происходило.

На лбу выступил пот. Что же не так? Отчего Свет не дарует ему благословения и покровительства?

Но тут солнечные лучи, проникавшие внутрь сквозь окна в потолке, медленно потянулись к принцу в блестящих латах, стоявшему у алтаря, и Артас с облегчением перевел дух.

Должно быть, все из-за того, о чем говорил Утер – из-за чувства, будто он недостойн такой чести, по уверениям Утера, знакомого всем паладинам! Должно быть, оно-то и послужило причиной задержки! В памяти сами собой всплыли слова Светоносного: «Все чувствуют, будто не готовы... Не честь тебе оказана, а милосердие – милосердие чистейшей воды... Однако Свет все равно любит нас».

И вправду: теперь Свет озарял, пронизывал принца насквозь, сиял столь ослепительно, что Артасу пришлось смежить веки. Вначале ласковый, теплый, Свет вскоре сделался опалляющим, и Артас невольно вздрогнул. Казалось, жар... очищает его изнутри, опустошает, отмывает дочиста и наполняет заново.

Вскипев в груди, жар Света смягчился, сменившись приятным теплом. Артас открыл глаза, моргнул и потянулся к символу ордена – молоту. Сомкнув пальцы на древке, он поднял взгляд на Фаола. Ласковая улыбка архиепископа сделалась еще шире.

– Восстань же, Артас Менетил, паладин и защитник Лордерона! Приветствуем тебя в ордене Серебряной Длани!

Не в силах сдержаться, Артас широко улыбнулся, схватил исполинский молот – такой огромный, что на миг принцу показалось, будто он не сумеет поднять его – и с торжествующим криком вскинул его над головой. Очевидно, волею Света молот в его руках сделался легче.

В ответ на его восторженный клич собор зазвенел от аплодисментов и криков «ура». Новые братья и сестры крепко, от души, обняли принца, а затем, отринув формальности, к алтарю устремились отец, Вариан и все остальные. Под общий смех Вариан хлопнул Артаса по плечу, но только отбил ладонь о твердый металл наплечника.

Случайно обернувшись, Артас увидел прямо перед собой синие глаза и улыбку леди Джайны Праудмур. Прижатых друг к другу толпой, устремившейся к новоиспеченному паладину ордена Серебряной Длани, их разделяли какие-то несколько дюймов. Такой уникальной возможности Артас никак не мог упустить. Обхватив левой рукой тонкую талию Джайны, он привлек ее к себе и обнял. Удивленная, но вовсе не возмущенная, Джайна со смехом обняла его в ответ, на миг прижалась к его груди и, по-прежнему улыбаясь, отстранилась.

Казалось, на миг радостные возгласы собравшихся в соборе в этот жаркий летний день стихли, а вокруг не осталось никого, кроме смуглой от загара улыбающейся девушки. Можно ли поцеловать ее? Нужно ли? В желании сделать это Артас не сомневался, но, пока он раздумывал, Джайна высвободилась из его рук и отступила в сторону.

Место одной светловолосой девушки тут же заняла другая – Калия. С радостным смехом она крепко обняла брата.

– Мы так горды тобой, Артас! – воскликнула она. – Из тебя выйдет чудесный паладин, я даже не сомневаюсь!

Артас улыбнулся и тоже обнял Калию, радуясь одобрению сестры и жалея о том, что так и не набрался смелости поцеловать дочь прославленного адмирала.

– Прекрасно, сын мой, – сказал и Теренас. – Сегодня я горд тобой.

Глаза Артаса сузились. «Сегодня?» Что это может значить? Разве в другие дни отец не гордился им?

Внезапно его охватила злость – неизвестно, отчего и на кого. На Свет, так долго мешкавший с одобрением, на Джайну, отстранившуюся в тот самый миг, когда он мог поцеловать ее, на замечание Теренаса?

Заставив себя улыбнуться, он начал проталкиваться к выходу. Хватит с него этой толпы народу, в которой его на самом-то деле почти никто не знает и уж точно никто не понимает!

Артасу было девятнадцать – Вариан в его возрасте уже целый год правил Штурмградом. Достигнув совершеннолетия, он получил право делать все, что пожелает, а теперь его путь направляло благословение Серебряной Длани. Ему вовсе не хотелось торчать без дела в лор-

деронском дворце и наносить скучные официальные визиты соседям. Хотелось предпринять что-нибудь... увлекательное. Достойное его власти, высоты положения и способностей.

Мало этого – он уже точно знал, что именно.

Часть вторая Светлая леди

Интерлюдия

День выдался именно таким, каких Джайна Праудмур терпеть не могла – хмурым, ветреным, невыносимо студеным. Да, из-за ветров с океана Терамор казался прохладным даже посреди жаркого лета, однако сегодня мороз, принесенный в город ветром и проливным дождем, пробирал до самых костей.

Океан за окном мрачно пенился, небо над волнами угрожающе потемнело. Казалось, ненастью не будет конца. Учебные площадки снаружи превратились в сухую трясину, путники искали приюта в таверне, а доктору ван Склиффу пришлось осматривать вверенных ему раненых на предмет симптомов болезней, навеянных внезапным похолоданием и сыростью. Охрана Джайны стояла под струями ливня, не проявляя ни малейшего недовольства, но, несомненно, приходилось им хуже некуда. Джайна велела одной из служанок отнести нестигаемым воинам, стойко переносящим тяготы службы, чайник чая, только что заваренного ею для себя и своей советницы. Сама она и второго чайника подождет.

За окном сверкнула молния, зарокотал гром. В башне Джайны, в окружении любимых книг и бумаг, было не так уж холодно, однако она задрожала, плотнее закуталась в плащ и повернулась к той, что, несомненно, чувствовала себя еще неуютнее, чем она.

Магна Эгвин, бывшая Хранительница Тирисфалия, мать великого волшебника Медива, некогда – самая могущественная женщина в мире, сидела в кресле, придвинутом к очагу, прихлебывая чай. Узловатые пальцы Магны крепко обхватили чашку, вбирая ее тепло, длинные волосы, белые, как свежесыпавший снег, рассыпались по плечам. Подойдя к ней, Джайна опустилась в кресло напротив, и Магна подняла на нее взгляд. Пожалуй, от ее глубоких, изумрудно-зеленых глаз не могло укрыться ничто на свете.

– Ты снова думаешь о нем.

Джайна сердито сдвинула брови и устремила взгляд в огонь, пытаясь отвлечься игрой языков пламени.

– Я и не знала, что Хранители могут читать мысли.

– Мысли? Пф-ф-ф! Это твоё лицо и привычки можно читать, как букварь, дитя мое. Вон та морщинка на лбу возникает всякий раз, когда твои мысли заняты им. К тому же, и в такую погоду ты неизменно вспоминаешь о нем.

Джайна зябко повела плечами.

– Неужели меня вправду так легко раскусить?

Резкие черты лица Эгвин немного смягчились.

– Что ж, у меня за душой тысяча лет наблюдений, – сказала она, глядя руку Джайны. – Вот я и разбираюсь в людях чуть лучше других.

– Да, все верно, – вздохнула Джайна. – В холода я всегда вспоминаю о нем. Обо всем, что случилось. И всякий раз задаюсь вопросом: не могла ли хоть чем-то помочь?

– Тысяча лет... и за это время я, пожалуй, ни разу никого по-настоящему не любила, – со вздохом продолжала Эгвин. – Слишком уж много было других забот. Но, если это тебя хоть немного утешит, я тоже много думаю о нем.

Удивленная и встревоженная словами Эгвин, Джайна озадаченно заморгала.

– Ты думаешь об Артасе?

Бывшая Хранительница смерила ее пристальным взглядом.

– О Короле-личе. Он больше не Артас.

– Мне об этом напоминать ни к чему, – пожалуй, излишне резко ответила Джайна. – Отчего ты...

– А разве ты не чувствуешь?

Джайна задумчиво кивнула. Да, она пыталась списать все на дурную погоду, на тревогу, возраставшую всякий раз, когда снаружи так неприятно и сыро. Однако Эгвин полагала, что дело тут в чем-то большем, и Джайна Праудмур, тридцатилетняя правительница острова Терамор, знала: старуха права. Старуха... Стоило вдуматься в это слово – и на губах Джайны мелькнула улыбка. Она и сама уже не девчонка. Юность, в которой Артас Менетил сыграл столь видную, значительную роль, осталась далеко позади...

– Расскажи о нем, – велела Эгвин, откидываясь спиной на спинку кресла.

Тут в кабинет вошла одна из служанок с новым чайником чая и свежим, только что из духовки, печеньем, и Джайна с благодарностью приняла от нее исходящую ароматным паром чашку.

– Я уже рассказала все, что знаю.

– Нет, – возразила Эгвин. – Ты рассказала лишь о фактах. О событиях. Теперь мне нужно, чтоб ты рассказала и о нем. Об Артасе Менетиле. Что бы ни происходило сейчас в Нордсколе – а я не сомневаюсь: там что-то происходит, – дело касается Артаса, а не Короля-лича. Во всяком случае, пока. А кроме того...

Старуха широко улыбнулась, и огонек озорной девичьей улыбки в изумрудных глазах на миг затмил глубокие морщины, избороздившие ее лицо.

– А кроме того, сегодня на редкость дождливо и холодно. Именно для таких случаев и существуют на свете истории да сказки!

Глава шестая

Негромко напевая себе под нос, Джайна Праудмур шла через сады Даларана. Она провела здесь уже восемь лет, но Даларан все так же внушал ей ощущение чуда. Все вокруг излучало магию, и Джайна чувствовала ее – чувствовала, почти как запах, как благоухание цветущих садов, и вдыхала ее аромат с улыбкой.

Разумеется, отчасти сей аромат действительно источали распустившиеся всюду цветы – ведь даларанские сады были столь же пронизаны магией, как и все остальное. Более пышных, ярких цветов, более вкусных фруктов и овощей Джайна не видела никогда в жизни. А знания! За восемь лет в Даларане Джайна узнала больше, чем за всю остальную жизнь – особенно в последние два года, с тех пор, как верховный маг Антонидаас официально взял ее в ученицы. Немного доставляло ей большую радость, чем солнечный день, бокал холодного сладкого нектара да груда книг под рукой. Конечно, некоторые редкие пергаменты следовало беречь от солнца и случайно пролитого нектара, поэтому вторым ее любимым занятием было сидеть в одной из множества комнат, надев перчатки, дабы не повредить хрупких страниц, и осторожно листая очередную невероятно, непостижимо древнюю книгу.

Однако сегодня ей захотелось просто побродить по садам, чувствуя под ногами живую землю, вдыхая полной грудью фантастические ароматы, а когда живот подвело от голода, Джайна протянула руку, сорвала с ветки спелое, теплое от солнца золотистое яблоко и с наслаждением вгрызлась в его румяный бок.

– В Кель’Таласе, – ровно, учтиво сказали за спиной, – есть великолепные деревья гораздо выше этих, в одеяниях из белой коры и золотой листвы, разве что не поющие под дуновением вечернего бриза. Думаю, вы будете рады однажды взглянуть на них.

Обернувшись, Джайна улыбнулась принцу Кель’тасу Солнечному Скитальцу, сыну Анастериана, короля эльфов-кель’дорай, и склонилась перед ним в низком реверансе.

– Ваше высочество, – откликнулась она. – Я и не знала, что вы вернулись. Рада вас видеть. И – да, конечно, рада буду взглянуть на Кель’Талас.

Джайна была дочерью если и не королевской, то знатной семьи. Отец ее, адмирал Дэлин Праудмур, правил городом-государством Кул-Тирасом, и к общению со знатными особами Джайна привыкла с детства. И все же в обществе принца Кель’таса ей становилось как-то не по себе. Отчего? Этого она и сама не знала. Конечно, обладая присущей всем эльфам грацией и красотой, он был очень хорош собой. Высокий, с длинными, ниспадавшими до середины спины, словно золотая канитель, волосами он всегда казался Джайне, скорее, персонажем легенд, чем настоящим живым существом. Даже сейчас, облаченный в простое, фиолетовое с золотом, одеяние даларанского мага, а не в роскошные одежды, которые надевал для официальных церемоний, он не утратил чопорности. Возможно, дело в его... в его архаичных манерах? К тому же, он был много старше нее, хотя с виду мог показаться ее ровесником. А еще, обладая острым умом и огромным талантом, Кель’тас был очень сильным магом. Некоторые из учеников шептались, будто он – один из Шестерых, из тайного общества самых высокопостав-

ленных даларанских магов. Да, пожалуй, робость перед ним на собственную провинциальную неотесанность списывать не стоило...

Потянувшись к ветке, принц сорвал себе яблоко и с удовольствием захрустел им.

– Есть в пище, произрастающей в землях людей, некая здоровая, искренняя сила, и я со временем оценил ее по достоинству. Порой эльфийские блюда, как ни изысканны на вкус и на вид, оставляют желать добавки посущественнее, – с заговорщической улыбкой сказал он.

Джайна улыбнулась. Принц Кель’тас всегда так старается, чтоб ей было с ним проще... Жаль, не слишком-то все это помогает.

– Да, немного на свете может сравниться с яблоками и ломтиком даларанского острого, – согласилась она.

За этим последовало продолжительное молчание – неловкое, несмотря на непринужденность обстановки и теплый солнечный день.

– Значит, вы на время вернулись? – спросила Джайна.

– Да, других дел в Луносвете у меня пока нет. Посему и вновь уезжать в скором будущем не придется.

Откусив еще кусочек яблока, принц снова поднял взгляд. Его миловидное лицо хранило привычную невозмутимость, но Джайна знала: он ждет ее отклика.

– Мы все рады возвращению вашего высочества, – сказала она.

Принц шутливо погрозил пальцем.

– О, ведь я же говорил: я предпочел бы, чтоб вы называли меня просто Кель.

– Прошу прощения, Кель.

На миг безупречные, точеные черты лица Кель’таса омрачила грусть, однако печальное выражение исчезло так быстро, что Джайна даже подумала: «Уж не почудилось ли?»

– Как продвигается ваша учеба?

– Прекрасно, – ответила Джайна, радуясь, что разговор повернул к научным материям. – Смотрите!

Указав на белку, пристроившуюся к яблоку на высокой ветке, она пробормотала заклинание. Миг – и белка превратилась в овцу. Взглянув на ее удивленную морду, Джайна с трудом удержалась от смеха. Под тяжестью животного ветка треснула, и овца полетела вниз. Джайна, не мешкая, простерла к ней руку. Овца остановилась на полпути, повисла в воздухе, медленно, мягко опустилась на землю, заблеяла, прядая ушами, и вновь приняла облик белки – совершенно сбитой с толку. Присев на задние лапы, белка злобно застрекотала на обидчицу, взмахнула пушистым хвостом и молнией взлетела на дерево.

– Прекрасно! – с негромким смехом сказал Кель’тас. – Книг вы, надеюсь, больше не жжете?

Вспомнив об этом инциденте, Джайна покраснела до кончиков ушей. Когда она только-только приехала в Даларан, ее дар обращения с огнем отчаянно нуждался в шлифовке. Работая под присмотром Кель’таса, она нечаянно подожгла один из томов, да не какой-нибудь, а тот, что Кель’тас в ту минуту держал в руках. По этому поводу принц велел ей следующие несколько месяцев практиковаться в огненных заклинаниях только близ прудов, окружавших тюрьму.

– Э-э... нет. Больше такого не бывало.

– Рад слышать. Джайна... – Принц сделал шаг вперед, отшвырнул прочь недоеденное яблоко и мягко улыбнулся. – Мое приглашение посетить Кель’Талас было отнюдь не праздной болтовней. Да, Даларан – дивный город. Здесь живет немало лучших магов Азерота, здесь вы многому научились и еще многому научитесь. Но, думаю, вы будете рады повидать целую страну, где магия – важнейшая часть народной культуры. Не просто часть столицы, не достоинство горстки избранных ученых магов – у нас магия принадлежит всем и каждому по праву рождения. Всех нас питает сила Солнечного Колодца. Не сомневаюсь, вам будет любопытно взглянуть и на него.

– В самом деле, – с улыбкой подтвердила Джайна. – Да, я была бы рада однажды побывать там. Но, думаю, сейчас мне лучше всего продолжить учебу здесь. – Улыбка ее превратилась в усмешку. – Где окружающие знают, что делать, если я нечаянно подожгу одну из книг.

Кель’тас усмехнулся, однако в его вздохе чувствовалась грусть.

– Возможно, вы правы. Ну, а теперь прошу прощения... – Принц иронически улыбнулся. – Верховный маг Антонидас требует подробного отчета о моем пребывании в Луносвете. Однако стоящий перед вами принц и маг будет с нетерпением ждать новых демонстраций ваших успехов в учебе... и новых встреч с вами.

Приложив руку к сердцу, Кель’тас поклонился. Не зная, что на это ответить, Джайна решила ограничиться реверансом и призадумалась, глядя вслед принцу. Тот шел через сад, словно солнце – высоко подняв голову, с уверенной, безмятежной грацией в каждом движении. Казалось, даже грязь не смеет испачкать его сапог и подола одежд.

Джайна откусила еще кусочек яблока и тоже отбросила его в сторону. Белка, недавно превращенная ею в овцу, соскользнула с дерева и живо завладела добычей, более легкой, чем яблоки, свисавшие с ветвей.

Чьи-то ладони прикрыли глаза.

Джайна вздрогнула – но не от испуга, всего лишь от неожиданности: сквозь мощные защитные заклятия, окружавшие волшебный город со всех сторон, сюда не могла бы проникнуть никакая угроза.

– Угадай, кто? – с радостной ноткой шепнул мужской голос за спиной.

Не пытаясь освободиться, Джайна сдержала улыбку и принялась рассуждать:

– Хм-м-м... руки в мозолях, следовательно, не волшебник. Пахнет кожей и лошадьми...

Легонько, будто перышком, коснувшись сильных пальцев, закрывавших ее глаза, она нащупала большой перстень. Форма камня, узор... Печать Лордерона!

– Артас! – с сердечным, радостным изумлением в голосе воскликнула она, поворачиваясь к нему.

Артас немедленно убрал руки и широко улыбнулся. Внешне он был не так совершенен, как Кель’тас. Волосы – светлые, как и у эльфийского принца – всего-навсего желтоваты, ничуть не похожи на золотую канитель. Высок, ладно сложен, но, скорее, тверд, как скала, чем гибок и грациозен. А еще, несмотря на то, что положением он был равен Кель’тасу (хотя в мыслях Кель, пожалуй, с этим бы не согласился, ведь эльфы считают себя выше людей, пусть и самых высокопоставленных), с ним Джайна вовсе не чувствовала ни малейшей скованности.

Однако об этикете тоже забывать не стоило, и Джайна склонилась в почтительном реверансе.

– Ваше высочество! Вот неожиданный сюрприз! Что вы здесь делаете, осмелюсь спросить? – Внезапно в голове забрезжили тревожные догадки. – Надеюсь, в Лордероне все благополучно?

В зеленовато-синих глазах мелькнула искорка добродушного озорства.

– Прошу вас, просто Артас. Ведь Далараном правят маги, а значит, простые люди должны оказывать им почтение. К тому же, разве мы не товарищи по детским проказам – после того, как вместе улизнули от свиты поглядеть на лагерь для военнопленных?

Вздохнув с облегчением, Джайна вновь улыбнулась.

– Пожалуй, так оно и есть.

– Так вот, отвечая на твой вопрос: в Лордероне все замечательно. Сказать по правде, сейчас там происходит так мало важного, что отец согласился отпустить меня сюда на пару месяцев ради учебы.

– Ради учебы? Но... ведь ты – паладин ордена Серебряной Длани. Неужели ты вдруг решил сделаться магом?

Артас со смехом продел руку Джайны себе под локоть и повел девушку туда, где жили ученики. Приноровиться к его походке не составило никакого труда.

– Нет, это вряд ли. Боюсь, такая одержимость наукой мне не свойственна. Просто подумал: где еще в Азероте могут знать об истории, о природе магии и о прочих подобных вещах, в которых следует разбираться королю, больше, чем в Даларане? К счастью, отец и ваш верховный маг согласились.

С этими словами он накрыл ладонью руку Джайны, лежавшую на его предплечье. Вполне утчивый, дружеский жест... однако все тело словно встряхнуло крохотной молнией.

– Поразительно, – сказала Джайна, поднимая на него взгляд. – Мальчишка, уволокший меня из лагеря среди ночи, чтобы тайком взглянуть на орков, интересовался историей и прочими знаниями куда меньше.

Артас хмыкнул и заговорщически склонился к ней.

– Честно? Я и сейчас ими не слишком интересуюсь. Ну, то есть, интересуюсь, конечно, но на самом деле приехал сюда не за этим.

– Что ж, теперь я вовсе ничего не понимаю. Зачем же ты тогда приехал в Даларан?

Подойдя к дверям в свои комнаты, Джайна остановилась, выпустила руку Артаса и повернулась к нему лицом.

Принц помолчал, с понимающей улыбкой глядя ей в глаза, а затем поднес ее руку к губам. Обычный, едва ли не с детства знакомый жест вежливости – вот разве что поцелуй затянулся мгновением дольше, чем позволяли приличия, и руку ее Артас отпустил не сразу.

Джайна изумленно вскинула брови. Не хочет ли он сказать, будто... будто действительно ухитрился пробраться в Даларан на несколько месяцев – нелегкое дело, ведь Антонидас славится недоверием к посторонним – просто ради того, чтоб... увидеться с ней?

Но прежде, чем она успела прийти в себя и спросить об этом прямо, Артас подмигнул ей и поклонился.

– Увидимся вечером за ужином, моя госпожа.

Ужин был официальным. Возвращение принца Кель'таса и прибытие принца Артаса в один и тот же день задало слугам Кирин-Тора немало работы. Чествовали обоих в большом обеденном зале, предназначенном для особых случаев. Из конца в конец его тянулся огромный стол, способный вместить больше двух дюжин гостей. Над ним, в трех люстрах, ярко пылали свечи, им вторило пламя свечей на столе, в кольцах на стенах горели факелы, а по углам, дабы создать тихую, покойную атмосферу, но в то же время обеспечить достаточное освещение, парило несколько волшебных шаров, готовых прибавить света в случае надобности. Слуги входили в зал редко – только затем, чтобы убрать тарелки да подать новую перемену блюд: бутылки сами наполняли бокалы вином, стоило лишь подать знак. На заднем плане негромко играли флейта, арфа и лютня, и их сладкозвучные ноты также были созданы магией, а не руками людей и не дуновением воздуха.

Во главе стола сидел верховный маг Антонидас, надо заметить, появившийся на людях нечасто. Ростом он был высок, а из-за крайне худощавого сложения казался еще выше. Некогда темно-русая, его длинная борода сделалась почти серой, голова облысела подчистую, но взгляд оставался прежним – ясным, живым, пронизательным. Присутствовал здесь и верховный маг Крас – статный, прямой, бодрый. Его седые волосы отливали в отсветах факелов серебром, пронизанным рыжими и черными прядями. Пришли также многие другие, и все – первые лица в городе. Сказать по правде, Джайна намного уступала в положении всем до единого, хотя и была ученицей самого верховного мага.

Росла она в семье военного и, среди прочего, с детства была приучена отчетливо сознавать свои сильные и слабые стороны.

– Недооценивать себя так же ошибочно, как и переоценивать, – сказал ей однажды Дэлин. – Ложная скромность ничем не лучше излишней гордыни. Всегда сознавай, на что спо-

собна, и действуй соответственно. Любой другой путь есть глупость, а глупость в бою губительна.

Джайна знала, что весьма искусна в магии. Умная, прилежная, за недолгое время, проведенное в Даларане, она успела научиться многому. Конечно же, Антонидаас не взял бы ее в ученицы из милости! Без лишней гордости, насчет которой столь рассудительно предостерегал отец, она полагала, что у нее есть все задатки могущественного мага. Хотелось бы только добиться успеха собственными силами, а не возвыситься благодаря покровительству эльфийского принца, которому нравится ее общество...

Изо всех сил стараясь ничем не выдать охватившего ее раздражения, Джайна отправила в рот еще одну ложку черепахового супа.

Разговор за столом шел об орках – что и неудивительно, поскольку лагеря для военнопленных располагались совсем недалеко от Даларана, хотя жителям города магов нравилось полагать себя выше подобных материй.

Протянув длинную, изящную руку за новым ломтем хлеба, Кель принялся намазывать его маслом.

– Апатия ли, нет ли, – сказал он, – а все же они опасны.

– В этом суждении мой отец, король Теренас, совершенно согласен с вами, принц Кель’тас, – откликнулся Артас, очаровательно улыбнувшись эльфу. – Поэтому-то их и содержат в лагерях. К несчастью, обходится это дороговато, однако немного золота – не столь уж высокая цена, когда речь идет о безопасности жителей Азерота.

– Они же звери. Грубые, жестокие звери, – возразил Кель’тас. Ровный, мелодичный тенор принца дрогнул от нескрываемого отвращения. – Вспомнить хотя бы о том, что они со своими драконами сделали с Кель’Таласом! Только сила Солнечного Колодца и помешала им учинить еще большие разорения. Вы, люди, могли бы решить задачу защиты своего народа, не обременяя его повышением налогов, просто казнив этих тварей.

Джайна вспомнила тех орков, что видела ночью сквозь щель в стене лагеря. С виду они казались усталыми, сломленными, подавленными. И с ними были их дети...

– Бывали ли вы в этих лагерях, принц Кель’тас? – колко спросила она, не успев вовремя сдержать язык. – Видели ли собственными глазами, во что превратились пленные?

На щеках Кель’таса проступил легкий румянец, однако лицо принца хранило прежнюю невозмутимость.

– Нет, леди Джайна, не видел. И не нахожу в этом надобности. Я вижу, что они натворили, всякий раз, когда смотрю на обугленные стволы великолепных деревьев родной земли и отдаю дань уважения павшим в этой войне. Вдобавок, вы также не видели пленных собственными глазами. Представить себе не могу, чтоб столь благородная леди вдруг пожелала осмотреть их лагеря.

– Что ж, комплимент вашего высочества для меня весьма лестен, – стараясь не смотреть в сторону Артаса, ответила Джайна, – однако я не думаю, что благородство хоть как-то противоречит стремлению к справедливости. Напротив, я полагаю, что благородной персоне, определено, не захочется видеть, как разумных существ режут, будто скот на бойне.

Любезно улыбнувшись принцу, она вновь принялась за суп. Принц Кель’тас испытующе взглянул на нее, сбитый с толку этакой отповедью.

– Законы здесь лордеронские, и в своих землях король Теренас вправе распоряжаться, как считает нужным, – вмешался в разговор Антонидаас.

– Даларан и все прочие королевства Альянса тоже должны платить за содержание лагерей, – заметил незнакомый Джайне маг. – А если так, то право голоса в данном вопросе есть и у нас.

– Дело не в том, кто платит за лагеря, и даже не в том, есть ли в них надобность, – отмахнулся Антонидаас. – Меня куда сильнее занимает другое – странная апатия, охватившая орков.

Я изучил то небольшое, что нам известно об оркской истории, и полагаю: причина их вялости отнюдь не в неволе. Полагаю, это и не болезнь – по крайней мере, из тех, что могут оказаться заразными для нас.

Антонидас никогда не позволял себе праздной болтовни, а посему все тут же прекратили споры и повернулись к нему. Джайна была очень и очень удивлена. До этого о ситуации с орками никто из магов не упоминал ни словом. Несомненно, сейчас Антонидас решил заговорить об этом неспроста. Благодаря присутствию Артаса и Кель'таса все, что он скажет, быстро станет известно и в Лордероне, и в Кель'Таласе. Кто-кто, а Антонидас ничего не делал просто так.

– Но если это не болезнь и не прямое следствие заточения, – с любезной улыбкой заговорил Артас, – то что же, по-вашему, верховный маг, происходит с орками?

Антонидас повернулся к юному принцу.

– На мой взгляд, орки отнюдь не всегда были столь кровожадны. Кадгар рассказал мне о том, что узнал от Гароны, которая...

От благодушия Артаса не осталось и следа.

– Гарона? Ведь это же та полукровка, что предательски убила короля Ллейна, – сказал он. – При всем уважении к вам, я бы не стал доверять ни одному ее слову.

За столом одобрительно зароптали, и Антонидас поднял руку, прося тишины.

– Эти сведения были получены до того, как она стала изменницей, – пояснил он. – И к тому же проверены при посредстве... иных источников. – Легкая улыбка на губах верховного мага явно давала понять, что раскрывать инкогнито этих «иных источников» он не намерен. – Орки подпали под влияние демонов. Кожа их сделалась зеленой, глаза покраснели. Не сомневаюсь: во время первого вторжения орки были пропитаны этой тьмой, пришедшей извне, насквозь, а теперь оказались отрезаны от ее источника. Я считаю, в данном случае мы имеем дело не с болезнью, а с чем-то сродни болезненному похмелью. Демоническая энергия – материя сильнодействующая. Последствия отказа от нее могут быть ужасны.

Кель'тас пренебрежительно взмахнул рукой.

– Если даже эта гипотеза верна, отчего мы должны о них заботиться? Им хватило глупости довериться демонам. Хватило безрассудства позволить себе пристраститься к столь пагубным энергиям. Я, например, не считаю разумным «помогать» им в поисках исцеления от этого пристрастия, даже если таким образом их удастся вернуть в мирное состояние. В данный момент они сломлены и бессильны. Именно такими я и предпочитаю видеть их после того, что они сотворили с нами. Думаю, любой, пребывающий в здравом уме, со мной согласится.

– О-о, но если орков удастся вернуть в мирное состояние, нам не придется держать их в лагерях, а идущие на это деньги можно будет употребить на иные нужды, – мягко заметил Антонидас, предупреждая готовый вот-вот разразиться спор. – Я уверен, король Теренас собирает все эти взносы отнюдь не затем, чтоб набивать собственный карман. Кстати, принц Артас, как поживает ваш отец? А мать с сестрой? Сожалею, что не смог посетить церемонию вашего посвящения в паладины, но, говорят, праздник был великолепен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.